САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА
ЧЕРНЫЕ
СКАЗКИ

Самая страшная книга

Александр Матюхин

Черные сказки

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Черные сказки / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ», 2023 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-152297-1

Ох уж эти сказки. Ох уж эти Сказочники!.. В стародавние времена люди не знали добрых сказок. Сказки издревле были мрачными и пугающими историями о смерти, насилии, черном колдовстве. В них незадачливых властоимцев варили заживо, детишек морили голодом, а сиротам отрубали конечности. И даже Русалочка Х. К. Андерсена испила кровь морской ведьмы, прежде чем лишиться языка и отправиться на сушу к любимому принцу. Сказки – это первые истории ужасов… И теперь они возвращаются к вам такими, какими всегда были и должны быть! В антологии «Черные сказки» собраны как современные вариации знаменитых сказок о Шамаханской царице, Красной Шапочке и Русалке, так и совершенно новые, оригинальные и неповторимые истории, основанные на фольклоре разных стран и народов. Плоды буйной фантазии таких авторов, как Олег Кожин, Александр Матюхин, Майк Гелприн, Дмитрий Тихонов, Оксана Ветловская и многих, многих других собрал в одну большую и очень страшную коллекцию известный писатель и составитель хоррор-антологий М. С. Парфенов. Здесь нет места светлому волшебству, ведь это – сказки для взрослых. Черные, черные сказки…

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-152297-1

© Матюхин А. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Старые сказки 7
Майк Гелприн. Саранча, скопец, палач 8
Александр Матюхин. На ногах 18
Владимир Чубуков. Бабушка 30
Часть первая 30
Часть вторая 38
Новые сказки 42
Дмитрий Тихонов. Странные вещи с вершины горы 43
Олег Кожин. Птица вещая 55
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Черные сказки: сборник рассказов
Составитель: Парфенов М. С.

© Авторы, текст, 2022
© М. С. Парфенов, составление, 2022
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Старые сказки

Здравствуй, дружочек. Устраивайся поуд обнее – сейчас я расскажу тебе сказку… Да не одну, а много сказок! Целую бездну удивительных историй, полных самых невероятных чудес и умопомрачительных свершений.

Держу пари – таких ты еще не слышал.

Впрочем, начнем мы с нескольких замечательных сказок, которые могут показаться тебе смутно знакомыми.

Ты думал, что знал их – Золотого петушка, Русалочку, Красную Шапочку… Ты ошибался. Но чу! Тише, дружочек, тише…

Мы начинаем. Кири-ку-ку!

Майк Гелприн. Саранча, скопец, палач

Северяне пришли на нашу землю числом несметным, ранней весной, едва в горных долинах стаял снег. У них были глаза цвета стали и волосы цвета льна. Они не знали страха и не давали пощады. Они опустошали города, казнили воинов, умерщвляли стариков, а молодых угоняли в полон. Они не были даже жестокими, они походили на равнодушную и жадную саранчу, оставляющую за собой пустыню там, где цвела жизнь.

Мой отец Селим-Шах, мудрейший из мудрых и храбрейший из храбрых, велел слать гонцов в сопредельные страны, моля соседей о помощи. Гонцы вернулись ни с чем – великие султаны и шахи заперлись в своих городах, степные ханы отогнали кочевые стада на горные склоны. «От трусости отвага на расстоянье шага», – говорили ученикам мудрецы. Забывая упомянуть о том, что и в обратном направлении расстояние не больше.

– Лучше испытать беду, чем страх перед ней, – сказал Селим-Шах, мудрейший из мудрых и храбрейший из храбрых.

На следующее утро он повел войско северянам навстречу.

Неделей позже отец вернулся – на запряженной четверкой арбе, под рогожей, разрубленный пополам. Гассалы трижды омыли его, закутали в кафан, и имам прочел над телом положенные молитвы. Мои старшие братья – рослый, горбоносый, с бешеными глазами Алишер, и тихий, робкий, ясноглазый Мансур, дали на Коране клятву мести.

– Шемаха, – сказал мне Алишер, прижав Священную Книгу к сердцу. – Видит Аллах, настали черные времена. Завтра с рассветом купцы погонят последние караваны на юг. Ты уйдешь с ними.

Я поклонилась в ответ. Мне едва сравнялось шестнадцать, но ни единого дня с тех пор, как научилась ходить, я не провела в праздности. Как подобает дочери великого шаха, я училась всему, и учителя мои были лучшими из лучших. Я свободно изъяснялась на четырех языках, а разумела еще полдюжины, включая наречие северян. Я практиковала врачевание и целительство, слагала стихи и на память читала суры, играла на лютне и не ведала усталости в танце. Я владела секретами древней магии и знала толк в травах, необходимых для заклинаний.

Я чтила шариат и осознавала, что предназначение женщины – служить мужчине, повиноваться ему, ублажать его плоть и рожать ему детей. Но у меня не было еще своего мужчины, а отца моего забрал к себе Аллах. Поэтому я сочла возможным ослушаться брата.

Алишер ушел, чтобы повелевать правоверными, а я, закутавшись в черный шелк, удалилась в упрятанное под переплетением дворцовых коридоров подземелье. Там, в каземате, я провела оставшиеся до прихода северян дни. Я сама толком не понимала, отчего решила остаться. Я лишь чувствовала, что мое место здесь – в крепости, обреченной на гибель.

Они не стали брать город в осаду. Они не жалели себя и пошли на приступ с марша через день после того, как дозорные заметили передовые разъезды с крепостных стен. За час до полудня я выбралась из подземелья наружу и взбежала наверх. Я видела, как они карабкались по приставным лестницам, щитами прикрываясь от стрел. Они лезли – упорно, оголтело, неистово. Они умирали, но новые живые заменяли убитых. К трем пополудни первый из них – дюжий, круглолицый, курносый, с окровавленным лбом под помятым шлемом, прорвался в проем между зубцами северной стены. Он рычал, как подраненный лев, и бился один против пятерых. Он был от меня в тридцати шагах, и время замерло – я видела, как медленно, словно

прорубая вязкое тесто, ползет к груди северянина боевой ятаган. И как лезвие уходит в сторону, принятое на гарду меча. Видела, как раздвоенное жало зульфикара впивается в щит и теряет силу, угодив в стальную оковку. А потом замершее, приостановившееся время вдруг встрепенулось, взорвалось брызгами крови, оглушило лязгом стали и пустилось вскачь.

Он не мог уцелеть, этот круглолицый северный воин, но он уцелел. У него не было ни единой возможности устоять на ногах, но он устоял и дал время тем, кто шел за ним вслед. Они вывернулись у него из-за спины, его сородичи, рослые, ражие северяне с распяленными в крике ртами и пляшущей в глазах сталью клинков. С каждым мгновением их становилось все больше, и они оттеснили, отжали защитников прочь от стен.

Мимо меня во главе десятка правоверных промчался Алишер, у подножия крепостной башни схлестнулся с круглолицым. Я метнулась за братом вслед… Остановилась, отпрянула назад: отделившаяся от тела голова Алишера катилась по каменной кладке к моим ногам. Я закричала – страшно, отчаянно, а черные бешеные глаза мертвого брата, глядя на меня, затухали, заплывали бельмами.

По каменным ступеням я слетела вниз, затем бежала в толпе прочь от рухнувших городских ворот.

– В мечеть, – бил в уши истошный, панический голос Мансура. – В мече-е-еть!

Ему следовало родиться женщиной, моему робкому, улыбчивому брату, которому дворцовые ашуги прочили будущее великого поэта. Ему следовало родиться мной. Тогда Мансур ушел бы с караваном на юг, и кто знает, как бы обернулась судьба.

Стены мечети не спасли нас. К закату северяне ворвались внутрь. Меня вытащили на площадь, швырнули на камни, и тощий, востроносый, с подбитым глазом победитель стал вязать мне бечевой руки.

– Гладкая девка, сытая, – бормотал он себе под нос. – Целая или порченая, имею интерес знать.

– Не про тебя девка, подьячий, – осадил в двух шагах коня кряжистый, рябой северянин в подбитом серебром парчовом кафтане. – Не твоего поля ягодка.

– Почто ж не моего, воевода? – почесал подбитый глаз востроносый подьячий.

– Басурмане говорят, это дочь самого шаха.

– Тьфу ты, – выругался подьячий, когда воевода отъехал. – Свезло тебе, чумазая, – кому-нибудь из благородных достанешься. Им, благородным, бабу еттить лениво, не то что нам, сиволапым. Мы бы, – мечтательно причмокнул он, – тебя впятером гоняли, в пять елдаков. К утру, глядишь, и живого места на тебе б не осталось.

Они грабили город три дня: резали скот и мужчин, силой брали женщин, жгли дома и тащили, тащили, тащили в свои телеги наше добро. Они закололи имама, обезглавили муэдзинов и превратили в конюшню храм. Они поднимались на минарет и мочились с балкона, испражнялись в фонтан, а страницами Священной Книги подтирали зады.

Я, связанная, брошенная на занозистое тележное дно, обложенная тюками с награбленным, беззвучно плакала, глядя на то, что творит северная саранча. Но ненависти, лютой, безрассудной ненависти, еще не было во мне. Ее не было, даже когда по площади перед мечетью пронесли нанизанную на пику голову Алишера. Ненависть появилась позже, на четвертое утро. Солнце стыдливо прикрылось тучами, чтобы не смотреть. Вместо солнца смотрела я. Смотрела, как на площадь вывели обнаженного, обритого наголо, с порванной плетьми кожей Мансура.

Мой брат бился в руках двух бородачей, подталкивающих его к вбитому в землю, смазанному бараньим салом колу. В ясных джейраньих глазах Мансура метались мука и боль, а потом, когда бородачи вздернули его от земли и подсадили на кол, Мансур закричал. Этот крик не умер вместе с ним, не заглох в разорванном заднем проходе, не увяз в пробитом желудке и не утонул в лопнувших от нестерпимой муки глазах. Крик остался во мне, я приняла его,

вобрала в себя и затолкала, забила в сердце. Предсмертная мольба брата поселилась во мне навечно, и клятва, которую он дал на Коране, стала моей.

Я рассталась с сознанием прежде, чем Мансур умер, а когда пришла в себя, услышала приветственный рев.

– Царевич! Царевич! – в тысячу глоток орала толпа победителей.

Я вскинула взгляд на грузного всадника с мясистым, рассеченным шрамом лицом. Был он в расшитой золотой вязью накидке, драгоценные камни швыряли сполохи света с рукояти его меча, а гнедой жеребец мотал головой, всхрапывал и фыркал, будто жаловался на непосильную и ненавистную ношу.

– Хорошо погуляли, братцы? – гаркнул царевич. Покивал в ответ на нестройную разноголосицу и добавил: – Ну, пора и честь знать.

Он спешился, обнялся с давешним рябым воеводой в подбитой серебром парче. Выслушал сказанные на ухо слова, задумчиво почесал перечеркнутую шрамом скулу и зашагал через площадь ко мне. Оглядел с придиркой, будто выставленную на базарный торг кобылу, втянул носом воздух, поморщился.

– Не люблю басурманок, – сказал царевич, – а от этой еще и смердит.

– Так нужду справлять негде, светлейший, – принялся оправдываться тощий востроносый подьячий. – Под себя девка ходила, потому и запашок от нее. Но ежели отмыть…

Пару мгновений царевич размышлял, что будет, если меня отмыть.

– Пустое, – сказал он наконец и добавил грязной площадной брани. – Кто, говоришь, первым одолел стену?

– Так Ивашка же Авдеев.

– Ну, значит, пиши приказ: за храбрость жалую девку сию Ивашке, сыну Авдееву. Пускай забирает, сучий хвост. Заслужил.

* * *

Безветренной душной ночью, под побитой звездной сыпью тушей хворого неба, круглолицый и курносый Ивашка, Авдеев сын, взял меня. Я корчилась под ним, изнемогая от стыда, боли и ненависти, а в десяти шагах глумливо ржали надо мной стреноженные обозные кони.

– Ты это, если что, прости, девка, – подступился ко мне наутро Ивашка. – Нехорошо я с тобой. Тебя как зовут-то?

Я промолчала. Он потоптался поодаль, опростал нос и убрался, а следующей ночью пришел опять.

– Ты это, – шептал Ивашка, подминая меня под себя, – не серчай шибко. У меня девок-то и не было ни одной, я оттого и неуклюж малость. Звать-то как?

– Шемаха, – простонала я, когда он вторгся в меня и стал хозяйничать, будто дорвавшийся до древесных жуков лесной дятел.

Мне не было больно, как накануне. И постыдно не было. Я даже испытала нечто сродни довольству, когда он излился в меня.

– Шем… Шам… – бормотал Ивашка, перебирая пальцами мои косы. – Не выговорить никак. Шма… Шха… черт побери! Я буду звать тебя Машкой.

Так звали коров и сук в убогой, затерявшейся среди непролазных лесов деревне, в которую Ивашка меня привез. Жил он в бревенчатом, с закопченным потолком и слюдяными окнами срубе, называемом курной избой. Кроме Ивашки, в избе обитали две его малолетние сестрицы и жилистая седая старуха-мать.

– Машка? – с сомнением в голосе спросила старуха, глядя на меня. – Что ж, поглядим на эту Машку.

Она глядела и днем, пока я изнемогала от непосильной деревенской работы, и ночью, когда Ивашка, не стыдясь любопытных сестер, подминал меня под себя.

– Ты это, – говорил он, вдоволь натешившись моим смуглым, податливым и научившимся кое-как отвечать на его движения телом. – Не серчай, если что. Прикипел я к тебе, Машка, люба ты мне.

Я молчала. Я вставала раньше всех и ложилась последней. И терпела. Терпела похоронивший под собой деревню ненавистный снег, топившуюся по-черному смрадную печь, безвкусную простецкую еду и постылую, выматывающую, каждодневную бабью работу. Я прибиралась в избе, стирала исподнее, ходила за скотиной и лопатила навоз. И знала – настанет мой день.

– Машка-то понесла, матушка, – на исходе зимы сказал Ивашка старухе. – Чего делать-то с ней?

Та призадумалась, долго жевала дряблые старушечьи губы, затем сказала:

– А женись на ней. Девка справная, и черт с ней, что басурманка. В церкви ее окрестим.

– А что, и окрестим, – согласился Ивашка. – Благодарствуйте, матушка. Стало быть, Пасху отгуляем, а на Красную горку и свадьбу сыграть можно.

Моего согласия Ивашка не спросил. Он был незлобивым, нетрусливым и работящим. Возможно, он и в самом деле любил меня – по-своему, так, как любит саранча с холодной северной кровью. Но у меня в жилах текла горячая южная. А в сердце жила месть, и кричал в нем, голосил, не давая мне забвения и покоя, казненный Мансур.

Когда весеннее солнце растопило снег и по деревне потянуло бражным дурманом, я отыскала на лесной опушке пробившиеся из-под земли навстречу теплу ростки вшивой травы. Откопала корни и измельчила их в порошок. Когда отошло пасхальное воскресенье, выбралась из избы во двор. Разделась донага и, воздев руки к небу, до полуночи стояла под звездами. Я произнесла заклинания, дающие силу отраве-траве, и прочла четыре суры Корана, благословляющие на джихад.

Ивашка, Авдеев сын, до свадьбы со мной не дожил. И старуха не дожила, и старухин приплод. Потравленная саранча бессильно корчилась на полатях, выблевывая на метеный пол зловонное содержимое желудков и отхаркиваясь зеленой мокротой.

Обухом топора я проломила череп старухе. Лезвием перехватила горло старшей девке и серпом зарезала младшую. Затем подступилась к Ивашке. Он долго не хотел умирать, даже с перебитыми руками, переломанными ногами и вспоротым животом. Он мучился на полу, но не орал от боли, а лишь глядел на меня изумленно, и тогда я выколола ему глаза и отсекла срам.

Когда Ивашка, наконец, отмучился, я обезглавила его, поквитавшись за Алишера. Затем вырезала у убитых сердца, побросала в холщовый мешок и облила дощатый пол жидкостью, которую саранча перегоняла из браги и называла сивухой. Подожгла избу и ушла в ночь.

До проезжего тракта я добралась на третьи сутки. К тому времени я съела сердца саранчи, и насытившийся Мансур притих во мне, перестав кричать.

* * *

Меня подобрал цыганский табор. Было в нем пять кибиток, за последней из которых косолапо трусил цепной медведь. Табор колесил по северным городам, давая цирковые представления в обмен на медяки и хлеб.

– А ты вылитая ромалэ, красавица, – сказал, оглядев меня исподлобья, морщинистый, с измаранными проседью курчавыми волосами старик. – Плясать умеешь? Петь? На гуслях бацать?

Я сказала, что петь и плясать могу, а бацать выучусь.

– Чье дитя носишь? – скосил глаза на мой живот старик.

– То не твое дело.

– Не мое, – согласился он. – Что ж, ступай тогда к Кхамало, у него как раз жена зимой померла от хвори, а цыгану без женщины никак нельзя.

Днем он был горласт, ленив и вечно пьян, этот Кхамало, с задубевшей на солнце кожей и медной серьгой в ухе. Но он был искусен, затейлив и неутомим по ночам, и с ним я познала то, чего и близко не было с убиенным Ивашкой из рода северной саранчи. Я принимала в себя Кхамало то лежа, то опустившись на колени, то стоя в рост и ухватившись за перекладину, поддерживающую кибиточный полог. Я скакала на Кхамало подобно цирковой лошади. Я узнала, что лоно женщины – не единственное пристанище для мужской плоти, а когда женщина на сносях – и не главное. А еще узнала, что красива, желанна и не хуже цыганки.

Ранней осенью в тряской кибитке я разрешилась от бремени младенцем мужеского пола. Услышав пронзительный детский писк, Кхамало осадил коней, спрыгнул с облучка и сунул голову под полог.

– Эх, хорошо, – сказал он. – Цыган родился – пить будем, гулять будем, песни петь будем.

– Не цыган, – простонала я. – И не будем.

Я перекусила пуповину. Подобрав юбки, выбралась из кибитки наружу с пищащим Ивашкиным отродьем в руках. Шатаясь от слабости, проковыляла туда, где порыкивал и звенел цепью медведь. С размаху размозжила голову ублюдка о колесо и бросила медведю измаранное кровью и слизью тельце.

Они долго стояли вокруг меня и молчали, пятеро мужчин, четыре женщины и выводок цыганских детей. Они смотрели в землю, на небо, на лошадей, но только не на меня. Затем Кхамало прокашлялся и, глядя в сторону, заговорил:

– Уходи от нас, женщина. Мы не воюем и не убиваем людей. Ни нашего рода, ни чужого. Убивцам нет места среди нас. Ступай прочь и не возвращайся больше.

Сидя на обочине в придорожной грязи, я долго смотрела табору вслед. Затем поднялась и побрела в лес. Я провела в нем семь дней, кормясь грибами и ягодами и собирая травы. Утром восьмого дня в узелках, что я навязала, порвав на лоскуты нижнюю юбку, лежали листья подбела и бересклета, корни белладонны и переступня, стебли белокрыльника и клещевины, цветы болиголова и горькой полыни.

Напоследок я нарвала гроздей волчьей ягоды и выжала сок в ладони. Долго решалась, прежде чем расстаться с плодородием, дарованным всякой женщине Всевышним. Когда решилась, присела на корточки и напоила ядовитым соком свое лоно.

Я выбралась на проезжую дорогу и три дня спустя спрыгнула с груженного битой птицей воза неподалеку от стольных мясных рядов.

* * *

Я бросилась царевичу в ноги тем же днем, на закате, когда усталое северное солнце завалилось за золоченые дворцовые купола.

– А ну, постой! – гаркнул царевич вознице, выбрался из роскошного, запряженного тройкой возка и шагнул ко мне. Багровый шрам пошел волнами по мясистой щеке и замер, будто почуявшая опасность, скользнувшая по бархану и насторожившаяся пустынная эфа. – Ты кто, красавица?

– Не узнаешь, светлейший? – дерзко ответила я, не вставая с колен. – Может статься, оттого, что от меня сейчас не смердит?

Царевич изумленно заломил бровь.

– Вот ты, значит, кто, – проговорил он. – Дщерь непокорного шаха. Как же тебя зовут, я подзабыл…

– Шемаха. Иван, Авдеев сын, которому ты меня подарил, называл Машкой.

– Шемаха мне больше по нраву, – усмехнулся царевич. – И где он, твой Иван?

– Он освободил меня от тягла, – я поднялась и заглянула царевичу в серые холодные глаза. – Помнишь площадного подьячего при войске, светлейший? Тот советовал меня отмыть, прежде чем попробовать. Ты тогда сказал, что не любишь басурманок. А теперь?

Царевич отступил на шаг и неспешно меня осмотрел.

– Ты стала настоящей красавицей, – признал он. – Что ж, немудрено для девицы царских кровей. Что ты от меня хочешь?

– Ничего, царевич. Лишь быть при тебе. Возможно, я придусь тебе по душе, если и в самом деле меня отмыть. Я с дороги, а от бассейнов с фонтанами успела отвыкнуть. Меня устроила бы парная баня.

Он взял меня в этой самой бане, распаренную, разомлевшую от чистоты и тепла. Его вялый ленивый орган едва нашел себе дорогу во мне. Он пыхтел, отдувался и кашлял, и его дыхание становилось все тяжелее, а плоть все мягче. Тогда я выскользнула из-под него и опустилась перед ним на колени.

– Клянусь, ты была права, Шемаха, – сказал царевич некоторое время спустя. – Мне это по душе. Я прикажу, чтобы тебе отвели покои в моей половине. И распоряжусь, чтобы за тобою приглядывали.

Он поселил меня в тесной полуподвальной каморке и приставил ко мне скопца. Это был страшный человек, сухопарый, мосластый и желтоглазый, похожий на изголодавшегося волка. Нет большего унижения для сильного мужчины, чем прислуживать женщинам. Нет большего позора, чем закончить свои дни евнухом в ханском гареме. Но этому унижение и позор были неведомы. Этот оскопил себя сам, чтобы желания плоти не препятствовали аскезе и колдовству.

– Я вижу твое нутро, – сказал он. – Твоя душа черная, как разбойничья ночь, и гнилая, как чумная язва. Смотри сюда, – он вскинул руку и наставил костлявый палец на шпиль дворцовой часовни.

Я вгляделась. На перекладине венчающего шпиль креста хлопала крыльями невиданная птица с золотым оперением.

– Это птица гамаюн, – бросил скопец мне в лицо. – Она досталась мне еще птенцом. Гамаюн кричит, когда чует беду. Вчера, едва ты появилась у нас, он кричал.

Мне стало страшно, так страшно, как было, лишь когда казнили Мансура. Но я сумела побороть этот страх и засмеялась скопцу в лицо.

– Ты лжешь, старик, – сказала я дерзко. – Это обыкновенный рыжий петух из тех, что топчет кур на заре. Петушок кукарекает от страха, потому что боится попасть стряпухе под нож.

Скопец ничего не ответил, а лишь плюнул мне под ноги и пошел прочь. Той же ночью я услаждала царевича в его опочивальне. А едва он захрапел, выскользнула из нее и поспешила к себе. Я смешала корни белладонны с цветами горькой полыни, в глиняной плошке растолкла в порошок и острием ножа резанула по пальцу. Сдобрила порошок кровью и произнесла заклятие, необходимое для приворота.

Три дня спустя я сыпанула щепоть снадобья в чарку с вином и подала ее царевичу. Когда я возвращалась от него, петушок на шпиле зашелся криком, но я лишь усмехнулась в ответ.

Теперь царевич проводил со мной все ночи и не отсылал прочь, насытившись.

– Скопец говорит, что ты приворожила меня, Шемаха, – сказал он однажды. – Птица гамаюн, дескать, кричит, завидев тебя.

– Скопец лжет. Так же, как его лживая птица.

– А пускай даже он говорит правду. Мне по душе твоя ворожба.

Я ненавидела этого северянина. У него было имя, но я ни вслух, ни про себя не произносила его. У саранчи нет имен. Я согревала ему постель, ласкала его, глотала его семя и ждала, когда придет мой день.

Мало-помалу царевич стал брать меня с собой на прогулки, на охоту, а потом и решил представить родне.

– Шамаханская царица, – шутливо объявил он, введя меня в убранные золотом покои. – Бывшая. Ныне же моей милостью проживается среди челяди.

Я поклонилась до земли сидящему на троне плешивому старику с ястребиным носом и выцветшими глазами. Затем – стоящему по левую руку от него молодцу. Он был высок, широкоплеч, кудряв, хорош лицом и строен статью. Он отличался от старшего брата в той же мере, в какой горный орел разнится со степным коршуном.

– Ты приглянулась отцу, – сказал ночью царевич. – Не стряслось бы беды.

– Какой беды? – эхом откликнулась я.

– На старости лет отец стал скорбен умом и несдержан в гневе. По правде сказать, я опасаюсь его. И в особенности опасаюсь младшенького. Мой братец хитер, коварен и изворотлив, в отличие от меня, простака.

– Ты не кажешься мне простаком, светлейший, – возразила я.

Царевич нахмурился.

– Я грубиян и рубака, а не придворный, – буркнул он. – В походах я ем мясо с ножа и сплю под лошадиной попоной. Что у меня на уме, то и на языке. А братец обучался в заморских странах и нахватался всякой всячины от иноземцев. Отцу он милее гораздо более моего и льстит ему, не стыдясь. Так что кто знает, не прикажет ли однажды старик удавить старшего сынка и наследника во благо младшенького.

– Ты пугаешь меня, царевич?

– Предупреждаю. Отцу каждую ночь водят новую девку. А наутро порют ее плетьми, потому что не сумела разжечь остывшую кровь. Старик по утрам злой как черт, горе тому, кто попадет ему под горячую руку. А младшенький тут как тут. Не беда, дескать, дорогой батюшка, другую найдем. Но тот, упрямый долдон…

– Дадон, – решительно поправила я. – Так степняки-скотоводы говорят о предводителе кочевья, если тот зажился и потерял разум от старости.

Царевич расхохотался.

– Дадон, – повторил он. – Надо же… У нас так называют неуклюжих и нескладных глупцов. Умора. А ты, девка, остра на язык.

* * *

На изломе весны на юге поднялись горцы, дерзкими набегами разорили пограничные селения северян. Плешивый старик с выцветшими глазами, которого старший сын теперь за глаза иначе как Дадоном не величал, велел собираться в поход.

– Скоро вернусь, – обещал царевич, с натугой влезая в седло. – Гляди, девка, чего услышу – убью.

Я поклонилась до земли и помахала вслед платком белого шелка. А тем же вечером петушок на часовенном шпиле заголосил вновь. Случилось это, когда через порог моей каморки перешагнул младшенький.

День спустя я поняла, что искусный и затейливый Кхамало годился этому разве что в подмастерья.

– Поговаривают, ты колдунья, Шемаха, – сказал однажды младшенький, пока я пыталась отдышаться после всего того, что он со мною проделывал. Сам он даже не запыхался.

– Кто поговаривает? – выдохнула я.

– К примеру, скопец. Моего братца, по его словам, ты приворожила. Что скажешь?

Я отдышалась. Я смотрела на него и думала, как обошлась бы с ним, доведись ему оказаться в моей власти, а не мне – в его. Этому я не позволила бы умереть быстро, как Ивашке.

– Скопец врет!

– Он никогда не врет. И его птица не врет тоже. Я имею к тебе вопрос, шамаханская царица. Что, если я предложу тебе стать царицей северной?

Я долго молчала. Младшенький молчал тоже – ждал.

– Ты что же, хочешь женить на мне отца, царевич? – спросила я наконец.

В чем мать родила, он поднялся с постели и подбоченился. Льняные кудри упали на лоб, достав до холодных стальных глаз под широкими, вразлет, бровями. Я смотрела на него, хотела его и ненавидела.

– Не отца, – проговорил он. – Я сам позову тебя в жены. Если только…

– Если только что?

– Есть три человека. Мой брат, наш с ним папенька и скопец. С братом будет несложно, он глуп и беспечен. Ты смекаешь, о чем я?

– Беспечный человек – мертвый человек, – поделилась я восточной мудростью. – Я понимаю, о чем ты.

Еще я понимала, что переживу этих троих самое большее на день-другой. Но я была на это согласна. Особенно потому, что туда, откуда не возвращаются, полагала прихватить с собой младшенького.

– Что ты от меня хочешь, светлейший?

– Я знаю, как сделать, чтобы отец позабыл себя от гнева. И знаю, как поступить, чтобы гнев его пал на скопца. Сможешь ли ты составить приворотное зелье?

Я помедлила.

– Пожалуй, смогу. А сам ты не опасаешься моих зелий, царевич?

Младшенький скривил губы.

– Я еще не ослаб умом, чтобы принять чарку из твоих рук. Ступай, готовься: завтрашней ночью ты разделишь ложе с моим отцом.

* * *

Он был слюнявый и суетливый, этот крючконосый, с выцветшими глазами старик. Смерть уже пометила его – изжелтила дряблую кожу и потравила плешь сизыми пятнами. Он был немощен и похотлив, а его мужское естество походило на дохлого водяного червя, и лишь великий Аллах ведает, каким чудом мне иногда удавалось этого червя оживить.

– Государь, у этой женщины черные глаза, черные волосы и алые губы, – сказал однажды скопец, всю ночь дожидавшийся пробуждения Дадона у порога царской опочивальни. – Но не только. Ее помыслы тоже черны, а руки алы от крови. Прикажи ее гнать, государь. Птица гамаюн исходит криком, предвещая беду.

– Я лучше прикажу гнать тебя, – взъярился Дадон, к которому минувшей ночью раз-другой вернулась мужская сила. – Ступай вон!

К лету гонцы принесли тревожные вести с юга. Старший царевич слал их одного за другим, моля о подмоге. Затем слать перестал. Истаяла неделя, за ней сгинула новая, гонцов с юга больше не было.

– Собирайся, – велел Дадон сыну. – Поведешь войско на выручку брату.

Младший царевич лихо запрыгнул в седло, подмигнул мне на прощание и пришпорил коня. Я поклонилась ему до земли и помахала вслед платком белого шелка. Он отправлялся геройствовать – убивать брата. Я оставалась ублажать старика.

Младшенький вернулся, когда летняя жара сменилась уже осенней сыростью. Я стояла на дворцовом крыльце и ликовала, на него глядя, а в моем сердце хохотом заходился казненный Мансур.

Царевич вернулся домой. Так же, как три года назад вернулся мой покойный отец Селим-Шах. Младшенького привезли на телеге, раскроенного пополам, прикрытого драной рогожей. На смрад, который исходил от него, слетались навозные мухи. Вслед за первой телегой катилась другая – на ней везли старшего. Содеянное вернулось к нему: из-под рогожи в лицо Дадону скалился череп. Отделенная от тела голова царевича сгнила на солнце, так же, как отсеченная и наколотая на пику голова моего брата.

На неверных ногах Дадон ковылял к покойникам. Шаг, еще шаг…

– Это она! – догнал царя заполошный голос скопца. – Она приворожила их и прелюбодействовала с обоими! Отдайте! Отдайте же! Отдайте ее мне!

* * *

Я сижу взаперти в тесной башенной келье в ожидании казни. В узкое, пробитое в камне окно я гляжу на то место на площади перед дворцом, где Дадон царским жезлом раскроил череп скопцу. И на то, где толпа в клочья разорвала птицу с золотым оперением.

В отличие от царя «петушок» смерть принял достойно. Он отомстил. Он успел вырвать Дадону ноздри, выклевать глаза и пробить клювом темя. Но птица отомстила лишь одному. Я же отправила в Джиханнам их всех. Предводители северной саранчи мертвы, все трое. И мертв тот, четвертый, что пытался их уберечь от беды.

Дверь темницы со скрипом отворяется. Я поднимаюсь на ноги, чтобы встретить палачей стоя. Я…

…тяжело оседаю на каменные плиты. Мне нечем дышать – сдавленная ужасом глотка не пропускает воздух. Задыхаясь, я смотрю на того, кто застыл на пороге. На мертвеца.

– Завтра тебя сожгут, Шемаха, – говорит он. – Ты хотела моей смерти и потому умрешь. Клянусь, мне жаль тебя. Не твоя вина, что я оказался предусмотрительнее вас всех.

– Зачем ты здесь? – выдавливаю я из себя.

– Хотел спросить, что ты подсыпала мне в вино. Белладонну я распознал по вкусу, но там было и нечто иное.

– Полынь, – шепчу я обреченно. – Цветы горькой полыни.

– Что ж, – царевич усмехается, багровый шрам, перечеркнувший мясистую щеку, кривится, гнется дугой. – Привкус мне пришелся по нраву, я прикажу отныне подавать мне вино с полынью. Покойный братец из твоих рук кубка бы брать не стал. Он был слишком осторожен и слишком труслив. А я с детства приучал себя к ядам – отравы и зелья для меня безвредны.

Он стоит в десяти шагах и с ухмылкой смотрит на меня, привязанную к столбу и обложенную хворостом.

Младшенький собирался убить брата, а себя выдать за мертвого. Он знал, что птица гамаюн всегда мстит убийце того, кто ее выкормил. Он предвидел, как потерявший голову от горя и гнева, опоенный приворотным зельем царь обойдется со скопцом. Он прогадал: старший царевич оказался не тем простаком, за которого с усердием себя выдавал. Он сам проделал то, что приготовил для него младший. Проделал моими руками.

Палач подносит к хворосту пылающий факел.

– Шемаха, – окликает меня царевич. – Знаешь, о чем я думал вплоть до этого мига?

Я молчу. Мне ли не знать, о чем думает палач перед тем, как казнить свою жертву.

– Я думал, не помиловать ли тебя.

– Что? – шепчу я. – Что ты сказал?

– Мне было ладно с тобой. Я подумывал, не стоит ли тебя помиловать и жить с тобой как с женой. Ты могла бы стать мне хорошей парой.

– И что же? – отчаянно кричу я. – Что ты решил?!

Царевич усмехается мне в лицо. То ли с грустью, то ли с издевкой, не поймешь.

– Решил, что тогда ты однажды ночью меня зарежешь. Прощай.

Первые языки огня лижут мне ноги.

Александр Матюхин. На ногах

Оля

Ее называли Олей, и ей часто снилось море. Плотное, теплое, изумрудное.

Денис шутил:

– Ты у меня русалка, как в городской сказке, которая должна убивать мужчин, но влюбилась и передумала!

Он искренне думал, что влюблен. А ей давно перестали нравиться его объятия, сигаретный запах изо рта, сухие губы, выпирающий живот. Она ненавидела музыку, которую он слушал, фильмы, которые он смотрел, рваные джинсы и растянутые футболки. Оля мечтала вырваться из душной съемной квартиры и мчаться, мчаться, чтобы никто и никогда не догнал.

Например, к морю.

Но ничего не получалось, потому что сложно, знаете ли, сбежать, когда нижняя половина тела – это рыбий хвост.

С утра Денис набирал полную ванну и переносил Олю из постели в воду. Осторожно обтирал губкой. Заботился. Оля плескала хвостом, разминая затекшие мышцы. Пила кофе. Ела тосты с джемом. Слушала радио в наушниках, прикрыв глаза.

Когда Денис уходил, она долго лежала под водой, представляя, что спряталась от мира в глубокой темной расщелине где-то на дне моря. Она слышала шум смываемой воды, шарканье тапок, приглушенную музыку, бормотание чьего-то телевизора. Слышала, как люди разговаривают по телефонам, вызывают лифт. Кто-то ругался. Кто-то занимался сексом – иногда и не по одному разу.

Ближе к обеду Оля выбиралась из ванной и ползла в кухню. Хвост тяжелел, оставлял на полу влажные и склизкие следы. Оля не любила ползать, она хотела, чтобы ее носили на руках.

Мир за окном кухни казался чем-то фантастическим. Мир, где у людей есть ноги. Мир, где люди смеются, поют, мечтают, путешествуют. Мир без ограничений.

В обеденный перерыв звонил Денис. Смеялся, покашливал, спрашивал про «как дела». У него был маслянистый грубый голос, как у всякого работяги, сутками напролет курящего дешевые сигареты, ругающегося матом, вдыхающего соленый морской воздух. Раньше Оле нравился голос Дениса, теперь он ее раздражал. Она уже знала, что лучше всего ставить разговор на громкую связь и просто слушать.

– Люблю тебя! – говорил он в самом начале отношений.

А Оля думала, как ответить: «Я тебя тоже»; «Взаимно»; «Спасибо».

– Угу…

Она отключала связь и вновь смотрела в окно.

Серая зима, густо наполненная ветром, запахом морской соли, мишурой бесконечных снегопадов, отступила месяц назад, и сейчас на улице было ярко, солнечно, хорошо. По тротуару мчались на самокатах, ходили с колясками, останавливались, чтобы поболтать под свежими изумрудными листьями. Оле тоже хотелось на улицу, прогуляться, но это же смешно и нелепо, потому что русалки не гуляют, даже в мечтах.

И еще у нее была другая задача. Тайный зов. Инстинкт.

Она находила взглядом подходящего человека. Мужчину. Иногда красивого, иногда все равно какого. Чтобы он не торопился, а задержался внизу, под окнами. Она должна была уловить его запах, определить – дешевый одеколон, кофе в забегаловке, пиво, грязная рубашка и давно не стиранные трусы, а значит, одинок, значит, можно, – и тогда, открыв окно, позвать его.

Мужчины всегда откликались на зов. Этот тоже. Высокий, излишне худой, скуластый, чуть лысоватый, но чем-то неуловимо привлекательный. Оля, поймав его взгляд, улыбнулась, поманила тонким пальцем. Он, конечно, видел только верхнюю половину ее тела, влюблялся мгновенно (мужчины и влюблялись всегда) и шел к окнам, не отводя глаз.

– Зайдешь? Второй подъезд. Сорок шесть на домофоне. Тебе туда.

Она не церемонилась. За полгода вошло в привычку. Закрыла окно, поползла к входной двери, стала ждать звонка.

Все они поднимались на третий этаж стремительно. Она чувствовала биение их сердец даже через дверь. Открывала. Ловила секундный ужас в глазах, ухмылялась, небрежно шевелила плечом, приглашая войти. Никто никогда не упрямился. Мужчина переступал через порог и с этого момента оказывался полностью в ее власти.

Оля поползла в гостиную, по пути стягивая через голову футболку. Диван был разложен и застелен заранее. Худой незнакомец жадно шел следом, тоже раздеваясь – торопливо и небрежно, с хрустом вскрывая молнию на джинсах.

– Давай, милый. Не знаешь, как примоститься? Сейчас покажу. Да, дорогой, не очевидно. Двигайся неторопливо, мне нужно успеть почувствовать. Да, милый, нежнее. Я же говорю, не нужно торопиться. Вот так. Меняем позу. Давай еще раз. Не беспокойся, все будет хорошо. И еще раз. Знаешь, а ты неплох. Хочешь перекурить? Нам нужно вернуться к процедуре еще два раза, чтобы наверняка. Знаешь, как я устала верить в это «наверняка»? Милый, давай. Дорогой, ты хорош. Быстрее. Теперь можно быстрее. Ты сладко пахнешь. Ты прекрасен. Да, милый. Прекрасен.

Он ушел сразу же, как все закончилось: растерянный, ничего не понимающий. В его взгляде все еще не угасло желание, но память уже услужливо рассыпалась на песчинки, потому что ни один человеческий мозг не мог удержать в себе воспоминаний о произошедшем. Мужчина сошел бы с ума, если хотя бы на минуту позволил себе освежить в памяти подробности.

Оля лежала на диване, расслабленная и удовлетворенная, обтирала тело влажными салфетками с запахом лаванды и крапивы. Потом перемещалась в ванную комнату и погружалась в теплую воду с головой.

Сквозь приоткрытые губы сочилась вода, жабры фильтровали кислород. Где-то внизу живота, на границе человеческого и рыбьего, зарождалась приятная долгожданная боль.

Оля закрыла глаза, ей снова снилось море. Но сон наслаивался на другой – пыльная дорога, по которой русалка вышагивает на красивых женских ножках. Обязательно босая и стопроцентно счастливая.

Оксюморон.

Денис

Признаться, той ночью в начале осени он хотел выйти в море на лодке в одиночку, отплыть как можно дальше, привязать к ногам металлический кусок арматуры и спрыгнуть в воду. К утру течение отнесло бы лодку на восток, и его искали бы как минимум неделю. Возможно, никогда бы не нашли. Здорово, правда? Навечно остаться под толщей воды, разглядывая пустыми глазницами проплывающих рыбешек, выглядывая в темноте знакомый образ.

К этой мысли Денис шел долго, с момента, как по-настоящему осознал, что жена умерла. Проснулся от этой мысли в пустой квартире, на разложенном в гостиной диване, пялясь в потолок. В голове крутилось: это навсегда. Милой, доброй, любимой Оли больше не будет.

Пустая спальня так и останется пустой. Не с кем лежать на кровати и смотреть телевизор. Не с кем ужинать, пить пиво, обсуждать многочисленных соседей, друзей и коллег по работе.

Она утонула (какая ирония!), потому что в этом небольшом промышленном городке шестьдесят процентов смертей связаны с водой. Статистика беспощадна.

Когда Оля умерла, Денис находился в море. Сложно было найти момент в серых буднях, когда Денис занимался чем-то другим, кроме промышленной рыбалки. Таскал сети и сортировал рыбешку, курил и шутил с товарищами, пил холодный кофе и омывал лицо соленой водой. Наслаждался жизнью, как любил, потому что его жизнь была всецело связана с морем.

Первое сообщение пробилось сквозь расстояние. До берега оставалось еще четыре километра. Короткое и эмоциональное, от сестры: «Срочно приезжай в больницу!» Потом телефон засыпали звонки и сообщения, голоса сочувствующих и тревожащихся.

Он не успел. Признаться, он опоздал еще до того, как вообще узнал об Олиной смерти.

Как сухо и невообразимо точно: смерть наступила в результате удушья, вызванного попаданием воды в легкие.

Оля упала, ударилась головой о камень, потеряла сознание и захлебнулась. Ее вытащили через семь минут. Говорят, у Оли были открыты глаза.

Денис долгое время крутил в голове эту мысль. Успела ли Оля сообразить, что умирает? Какие образы всплывали в ее голове? Могла ли она выжить?

Потом проснулся и понял: не могла. И ее больше нет.

Арматура с веревкой лежали на дне лодки. Денис оделся теплее – и потому что было по-сентябрьски холодно, и чтобы быть тяжелее там, под водой. Тельняшка, футболка, теплая рубашка, свитер, пальто с меховой подкладкой. Трико, штаны, брезентовые брюки. Резиновые сапоги до колена.

Никто не удивился. Здесь рыбачили круглосуточно, лодки-одиночки выходили в море каждые полчаса. В морозном вечернем тумане мир сужался до размеров крохотного суденышка, и рыбакам часто нравилось просто уплывать за несколько километров от земли, чтобы побыть наедине со своими мыслями.

Тишина стояла такая, будто Дениса замотали в ватное одеяло из пара и мороза. Он забросил удочку, хотя в этом не было необходимости. Скорее, по привычке. Закурил. Умирать было не страшно, а даже радостно. Под водой так же одиноко и пусто, как и в квартире. Последнюю сигарету хотелось докурить именно сейчас: неторопливо, задумчиво, вглядываясь в полумрак вокруг.

Наконец он щелчком отправил окурок в воду и стал обвязывать ноги веревкой.

Денис не сразу заметил, что лодка качнулась сильнее, чем должна была, – отвлекся на узлы. Потом расслышал тяжелый всплеск, лодка накренилась уже совсем сильно. Полуобернулся – и обомлел.

На носу сидела Оля. Его Оля, настоящая и живая. Влажные волосы прилипли ко лбу и обнаженным плечам. Капли воды рассыпались по красивому лицу и стекали с подбородка. Оля улыбалась. У Оли вместо нижней половины тела был толстый рыбий хвост, как у русалки.

Денис почему-то сразу поверил, что это нормально. То есть бывает же так, что утонувшие люди возвращаются в другом обличье. Ничего, блин, удивительного. В их городке и не такое происходило, если верить слухам.

– Иди ко мне, – попросил Денис и понял, что по щекам текут слезы. – Господи, я так соскучился.

Оля протянула к нему худые тонкие руки – пальцы с перепонками – и неловко подползла. Хвост тяжело ударял по бортам. Пахло рыбой, влагой, водорослями, глубиной.

Они обнялись, потом Денис поцеловал Олю так крепко, как только мог. Почувствовал, что вот она, родная и любимая, снова с ним.

– Поехали домой, – сказала Оля. – Здесь холодно и темно.

Он выбросил в воду арматуру, веревку. Стащил с себя часть одежды и замотал Олю, как мог, в пальто и брезентовые брюки. До берега плыли в тишине. Денис то и дело оглядывался, чтобы проверить, не морок ли это. Но Оля была здесь, рядом. Любимая.

Оля

Та, которую называли Олей, вдруг начала мечтать о ногах.

Сама не заметила, когда эта мечта пробралась в ее мысли и пустила корни. Будто заразилась, заболела неведомой русалкам болезнью. Бывает же такое? Мысли стали человеческими, и мечты тоже преобразились, изменили часть сущности.

Вот были сны о море, о толще воды над головой, а вот – сидит у окна каждый день и смотрит на улицу. С завистью и сожалением.

Дети бегают по площадке. Катаются с горок, кружатся на каруселях, играют в догонялки. Торопливо перебирают ножками.

Женщины выстукивают каблуками по асфальту. Красиво выглядят, красиво звучат.

Кто-то в кроссовках наматывает круги по стадиону.

Кто-то выжимает сцепление и газ.

Кто-то сидит на лавочке, закинув ногу на ногу.

В этом мире ноги – лучшее, что вообще может быть.

Денис шептал ночью:

– Мы тебя вернем, любимая. Научишься ходить, бегать, и мы с тобой вдвоем прокатимся на велосипедах. Как-нибудь.

Он был мечтателем, из тех, кто не замечает реальности. Приходил по вечерам, от него пахло морем, солью, рыбой. Любил забираться в ванну, рядом с Олей, гладить ее чешуйчатый хвост и рассказывать бесконечно долго, в подробностях, о своем скучном и однообразном дне.

Оле не хотелось слушать, но она терпела. Потому что была в какой-то степени зависима сейчас. Зависима от этой квартиры, ванны, раскладного дивана, от окна на улицу с удобным расположением и – главное! – зависима от времени и новых ощущений.

Первоначальный план был прост. Как любая самка ее вида, достигнув половой зрелости, Оля отправилась к берегу. Путь предстоял долгий, интуитивный. Обязательно в одиночестве, поскольку самка в период путешествия становится агрессивной и способна загрызть соперниц. Сквозь холод и темноту, с глубин моря к поверхности – и дальше, дальше от родного гнезда. Она изголодалась и разозлилась, но так и должно быть, так велят инстинкты. Голод и злость обостряют чувства, заставляют быстрее найти желаемое.

И она нашла, забралась в лодку, улыбнулась, погружая первого увиденного в жизни человека в состояние транса. Ей нужно было заняться с ним оплодотворением, заполучить семя, а затем вернуться обратно в глубины, чтобы произвести потомство.

Но человек вдруг заплакал и сказал:

– Иди ко мне!

И она не смогла отказать, потому что никто никогда не ломал наваждение с такой легкостью, как он. Человек назвал самку Олей, прижал к себе, и она замерла в нерешительности, ощущая, как трепетно забилось сердце. Это было невиданное и неожиданное ощущение. Оно задавило инстинкты, вытащив наружу что-то совершенно иное.

Та, которую назвали Олей, вдруг захотела остаться в мире людей на какое-то время. Продлить необычное чувство.

Она позволила отвезти себя в его квартиру. Улыбалась, когда он раздевал ее, омывал под душем, счищая водоросли, ракушки, налипший песок. Они занялись оплодотворением прямо в скользкой ванне. Денис быстро разобрался что к чему и в процессе возбужденно нашепты-

вал ей на ухо: «Оля, Оля, радость моя, ты вернулась, да…» Оля не сопротивлялась и даже не оставила на его теле укусов.

Ей понравилось ложиться с ним в постель, прижиматься к теплому телу, обнимать, слушать, как он дышит и как бьется человеческое сердце под грудной клеткой. Оля могла бы с легкостью выломать ребра, достать сердце и съесть его (говорят, вкусное), но сейчас ей не нужно было ничего этого. Просто хотелось продлить странное и необычное чувство.

Да, Денис любил ее и считал своей женой. Оле нравилось, пусть это и было сумасшествие. Она задержалась в его квартире сначала на два дня, потом на неделю. Любовь не была взаимной, но проснулось любопытство. Каково это – жить человеческой жизнью? Как чувствовала себя та самая жена, которую Денис оставлял в квартире, когда уходил в море? Чем она занималась? Смотрела в окно? Переключала один за одним каналы телевизора? Беспечно пела? Приманивала других самцов, которые проходили мимо? Что-то еще?

Оля наслаждалась ощущением человеческой жизни. Вторую неделю, третью. Училась мыть посуду, чистить яблоки, смотреть ролики на Youtube, умываться, чистить зубы, надевать блузки и бюстгальтеры. Училась вести диалог с Денисом, регулировать воду в ванне, включать телевизор и не рыться в мусорной корзине. Человеческий быт окружил ее, но вместе с тем появилось и еще одно чувство – желание выбраться из квартиры и прогуляться по улице. На ногах.

А затем случилось кое-что еще. К концу первого месяца, в дни полной луны, когда внизу живота должна была зародиться ноющая тягучая боль; когда хвост должен был отяжелеть, а яйцеводы – выметывать в воду оплодотворенные икринки, ничего не произошло. Ольга лежала в ванной, напряженная и злая.

Ей следовало возвращаться в море, искать другое место. Но она не хотела уходить. Не сейчас.

В горле зародился зов. Инстинкт. Она поползла к окну на кухне, забралась на подоконник. Искала, ждала. В конце концов, самке не важно, кто ее оплодотворит, главное – размножение.

Прошло полгода: три десятка случайных человеков, пришедших на зов; два промаха – вместо мужчин появлялись ошалевшие женщины, сдирающие с себя одежду еще на лестничном пролете; шесть тихих вечеров неудовлетворенных ожиданий; сто дней мечтания о красивых женских ножках.

Затем она поняла, что оплодотворилась. Затихла, ожидая конца месяца. Сделалось уютно и радостно. Даже Денис не надоедал как раньше. Она бы давно загрызла его, но ей нравилось наблюдать за слепой наивной любовью, за тем, как он обманывается в своих мечтах и желаниях, принимая ее за другую.

Бедный, бедный Денис. Если задуматься, она действительно могла бы обратиться девицей-утопленницей, если бы мир был сказкой. Но, увы, русалки сами по себе, а люди – сами.

…Она жалела Дениса, поэтому хотела забрать икру и исчезнуть из его жизни. Не убивать, оставить.

В тот день, когда это должно было произойти (Ольга едва выбралась из ванны, чувствуя слабость и жгучий голод после долгого метания), Денис вернулся на два часа раньше и прямо из коридора закричал:

– Оля, милая моя! Мы едем немедленно! Возвращать тебе ноги!

Денис

Признаться, мысли об Олиных ногах стали его навязчивой идеей.

У той Оли, настоящей, не было хвоста, и осознание этого выбивало Дениса из обычного состояния.

Он уже не мог беззаботно собраться с утра на работу, отправиться на дежурном автобусе к причалу, выйти в море, провести рабочий день за ловлей рыбы и вернуться назад, к любимой, уставший физически, но отдохнувший духовно. Что-то в мире неуловимо сломалось, как крохотная деталь в огромном механизме.

На второй месяц после появления обновленной Оли Денис начал искать решение. Сначала слепо, наугад – листал вкладки в Интернете, подбирал правильные поисковые фразы, читал новости, газеты, собирал слухи. Потом услышал где-то невнятно оброненную фразу о целителе, который много лет подрабатывает в городе, вытаскивая людей из моря и возвращая их к прежней жизни. Денис ухватился за ниточку, стал распутывать.

О целителе, как оказалось, знали многие, но почти все предпочитали помалкивать. Денису повезло, у него была сестра Надя, которая, как оказалось, тоже была в курсе. Они встретились у больницы, где Надя работала хирургом. Поедая недорогой бизнес-ланч, сестра поведала несколько интересных историй.

Целитель этот вырезал жабры пойманным в морях недочеловекам и вшивал легкие. Заменял сердца, делал морских обитателей полноценными людьми. Но главное – он мог сделать из русалочьего хвоста ноги. Сестра лично ничего не видела, как это всегда и бывает, но рассказывала настолько уверенно и правдоподобно, что Денис поверил.

Вообще-то он готов был поверить сразу же и во что угодно, был бы повод. Людям свойственно отсекать ненужное и тянуться к тому, что кажется им единственно верным.

Спустя несколько месяцев странных знакомств, потраченных денег и нервов Денис заполучил телефон целителя и тут же набрал его, вслушиваясь в гудки с надеждой и страхом отчаявшегося человека.

Он любил Олю, но этот хвост… Неправильный и раздражающий…

– Вы удалите его? – спросил, едва обменялись с целителем банальными приветственными фразами.

– Разрежу надвое, очищу, сошью. Процедура слишком сложная, чтобы я вот так сразу вам все рассказал.

Голос у целителя был уставший.

Еще через неделю Денис получил адрес и время.

В назначенный день он высадился на берег раньше обычного и сразу же помчался домой.

– Оля, милая моя! Мы едем немедленно!

Денис застал ее в коридоре. По кафельному полу из ванной комнаты тянулся липкий влажный след. Подхватил любимую, завернул в полотенце. Оля непонимающе хлопала глазами:

– Какие ноги? Куда едем?

– Я обо всем договорился! Ты снова сможешь ходить!

– Но я не…

Она была слишком бледная, уставшая. Тяжело дышала. Приболела?

– Ничего не бойся, там опытный человек, с гарантиями!

Кусачей мыслью впилось в сознание: ничего он не знает о целителе, кроме разговоров и слухов. Никаких дипломов не видел, ни отзывов. Но вот ведь какая штука… Если чего-то очень хочется, то вокруг желания создается собственная вселенная, в которую веришь безоговорочно. Потому что без веры ни одна мечта никогда бы не осуществилась.

Денис поднял Олю на руки и впервые вынес из квартиры. Оля обхватила его шею. Не сопротивлялась и не возражала. Пытливо смотрела по сторонам. Кажется, Денис чувствовал, как бьется ее сердечко.

Спустились к машине, Денис уложил Олю на заднее сиденье. Она спросила осторожно:

– Скоро я смогу ходить, как ты?

– Обязательно! – заверил Денис. – И мы с тобой снова будем счастливы.

Машина мчалась сорок минут, разрезая старый портовый городок по единственной прямой трассе. Потом свернули на гравийную дорожку в лес, долго тряслись по ней и уперлись в шлагбаум.

Денис вышел, взял Ольгу на руки и отправился за шлагбаум пешком.

Вскоре сквозь лес проступили очертания небольшого деревянного домика. На крыльце сидел целитель в медицинском халате, шапочке и галошах. Курил, поглядывая сквозь прищур на Дениса, подходящего к нему с Олей на руках.

– Жирная, – сказал он. – Килограммов на пятьдесят пять тянет.

Денис хотел обидеться, но вовремя спохватился. Не в том он был положении.

– Куда нести?

Целитель шевельнул плечом:

– Через сени, потом налево, на диванчик клади. И возвращайся, тебе внутри делать нечего. На природе подождешь.

Оля вцепилась в шею Дениса ноготками. Когда заходили в тесные сени с низким потолком, прошептала:

– Это ведь не опасно?

– Надо рискнуть, иначе как еще вернуть счастье? Верь мне.

Он уложил Олю на старый диван с глубокими пролежнями, укрытый белой простыней, от которой остро пахло хлоркой. Поцеловал в холодные губы и выскользнул на улицу, в прохладу, будто вынырнул из густой соленой воды.

Целитель как раз докуривал.

– Долго ждать? – нагловато спросил Денис, как бы подразумевая, что чем быстрее, тем лучше.

– Сколько понадобится, – ответил целитель, втаптывая окурок в землю. – А что, дружище, не хочешь поменяться? Ты мне русалку и все ее свежее потомство, а я тебе, значит, вдвое выше рынка наличкой. Экземпляр хороший, редкий. Свалишь из этого городка куда подальше, будешь себе жить припеваючи до конца лет.

Денис оскорбился:

– Она не русалка, а моя жена! Имейте уважение.

Целитель несколько секунд смотрел на Дениса, будто хотел возразить. Потом тонко, ехидно улыбнулся:

– Как скажешь, дружище. Я мозги вправлять не умею. Но учти, что с ногами эта твоя жена сильно в цене упадет.

Целитель почти уже поднялся на крыльцо, когда Денис окликнул его. Спросил:

– А что за свежее потомство? Вы о чем?

– Она у тебя икру метала сегодня, – ответил целитель. – Ты не разбираешься? Грудь налилась, мешки под глазами, запах острый, морской. Считай, поздравляю, молодой папаша.

Он рассмеялся квакающим смехом и скрылся за дверьми.

Надя

Родители погибли, когда ей было двенадцать, а Денису – семнадцать. Он заканчивал школу и думал уехать из города в столицу, пытать счастья в бюджетных вузах. Но жизнь повернулась иначе, Денис отправился работать рыболовом на небольшом местном суденышке и следующие восемь лет растил сестру.

У них была та самая разница в возрасте, которая в юности мешала сильно сблизиться, стать друг другу по-настоящему нужными. Надя только-только училась влюбляться, а Денис

уже встречался с одноклассницей, курил и напивался с друзьями. Наде нужно было, чтобы кто-то рассказал ей про месячные, а Денис вываливал в ванну свежую, еще трепыхающуюся рыбу и чистил ее до полуночи, резал, набивал морозилку.

Лет до семнадцати Надя чувствовала, что они посторонние люди. Денис будто стал ее опекуном, не вызывая и не требуя родственных чувств.

Все изменилось, когда Надя закончила школу и поступила в медвуз. Впервые она уехала из городка на три месяца, а когда вернулась – на платформе ее ждал Денис. Он заключил сестру в объятия, прижал к себе так крепко, что у нее перехватило дыхание, а потом взял за руку и повел к машине. Ничего такого не сказал, но Надя вдруг поняла, что Денис скучал, что в этом мире нет у него родственников, кроме нее. Да, Денис не умел проявлять чувства, но он любил сестру, и это было важно.

Еще через пять лет Денис встретил Ольгу. Надя и сама к тому времени пару раз влюблялась в коллег по работе (увы, безответно), поэтому всецело разделила счастье Дениса и впустила Ольгу в их крохотную, как икринка, семейную ячейку.

Смерть Ольги свела Дениса с ума.

Надя все это время была рядом, но понимала, что родственная любовь никогда не заменит любовь мужчины к женщине. Денис превратился в безмолвную тень. Он плыл по течению жизни – вставал на рассвете, молча завтракал, уходил на работу. Возвращался затемно, ужинал, ложился спать. Надя подгадывала под его расписание, мчалась в квартиру к брату с утра, жарила ему яичницу, разогревала кофе. Потом опять же мчалась вечером после работы, быстро прибирала, готовила нехитрый ужин, дожидалась появления Дениса и сидела с ним, пока он ел, глядя пустыми глазами в окно.

Она спрашивала: «Может, сходить к психологу?»

Он отвечал: «Психологи – шарлатаны, они не вернут человека к жизни».

Через несколько месяцев после Олиной смерти Надя уехала в столицу на практику. Писала и звонила Денису каждый день. Он не любил общаться, отвечал сухо, но хотя бы поддерживал связь. Затем – за день до ее приезда – не прочитал сообщение и не ответил на звонок. Всю ночь Надя тряслась в плацкартном вагоне без сна, перебирая в голове все возможные варианты. Она была уверена, что Денис ушел в море и не вернулся.

С вокзала Надя помчалась на такси к его дому, выскочила в сером предрассветном тумане и увидела, что в окнах квартиры Дениса горит свет. На кухне сквозь стекло был хорошо виден женский силуэт. Незнакомая девушка сидела на подоконнике, полуобернувшись. К ней подошел Денис, обнял, поцеловал – и Надя вдруг ощутила себя дурой.

Она вернулась домой и впервые за много месяцев не пошла к брату после пробуждения.

Денис позвонил сам ближе к обеду. Голос его звучал взволнованно и радостно.

Он сказал: «У меня кое-что случилось в жизни, но пока рано об этом говорить. Можно попросить тебя не приезжать по утрам? Я сам буду готовить завтраки, обещаю!»

Она ответила: «Хорошо, как скажешь. Если будет нужна помощь, обращайся».

Денис обратился позже, когда попросил найти целителя. Тогда-то Надя обо всем и догадалась.

Маленький портовый городок полнился слухами о русалках, которые время от времени выбирались на берег, спаривались с мужчинами и пожирали их. Надя впитывала эти слухи с детства и давно привыкла к ним. Не сильно удивилась даже тогда, когда впервые встретила на хирургическом столе жертву русалки.

Человек выжил, хоть и лишился трех пальцев на левой руке и правого соска. Рассказывал страшное о том, как морская тварь выплыла из глубины, схватила и потащила за собой. Он захлебывался, но тварь впилась ледяными губами в его губы и затолкала ему в легкие воздуха, не давая умереть. Там, на глубине, под давлением, от которого заложило уши, взвилась зубная

боль, а перед глазами налились красные пятна, морская тварь содрала с него плавки и совершила что-то ужасное. Оргазм был болезненным и кровавым: возбужденная тварь вырвала ему сосок и впилась зубами в кисть, отрывая пальцы. Мужчина то ли потерял сознание, то ли провалился в безрассудство и пришел в себя уже в рыбацкой лодке. Говорили, что его сожрали бы целиком, как делают все русалки после спаривания, но помешала моторная лодка с сетью, которая зацепила Витальку и отвлекла морскую тварь.

В больнице никто не удивился. Мужчину выходили и выписали, а жизнь пошла своим чередом. Раз в год-два Надя сталкивалась с очередной жертвой русалок, правда, теперь только в морге, когда помогала местному патологоанатому на полставки.

Когда Денис приехал в больницу на обед и спросил, знает ли Надя о целителе, она сразу все поняла. Захотелось тут же расспросить брата: как поймал, как русалка не съела его до сих пор, как он вообще живет с ней в квартире. Хотелось взять его за воротник, встряхнуть, рассказать об опасности, потому что Надя не раз и не два вскрывала трупы тех, кого русалки сожрали после спаривания.

Но Денис опередил и сказал что-то совершенно сумасшедшее.

Он сказал: «Оля вернулась, представляешь? Я нашел ее в море. Она обратилась в русалку, и теперь у нее хвост. Мы любим друг друга, как прежде. Ты не поверишь, насколько я счастлив!»

Но ведь Надя видела в окне не Олю, а другую женщину. А перед ней сидел влюбленный, счастливый брат.

Она запнулась и ответила: «Я найду контакты, есть знакомые…»

Невозможно было поверить, что он говорит о русалке. Никто не выживал после общения с ними. Никто в них не влюблялся.

Оксюморон.

В больнице портового городка хранилось множество секретов.

Контакты действительно нашла, передала. В душе Дениса сидела глубокая влюбленность, свет исходил из его взгляда – безумный или очарованный, не разобрать.

Вечером того же дня, после быстрого, но яркого секса с патологоанатомом в его кабинете, Надя спросила, видел ли он когда-нибудь живую русалку. Тот ответил, что боится русалок, как смертоносную заразу. Он добавил:

– У русалок долгая и злобная память. Они охотятся за жертвой до тех пор, пока не получат желаемого. Если не сожрали сразу после оплодотворения – выследят и сожрут позже, через год или два. От них нет спасения, в этом-то и проблема. Если увидел русалку живьем, то рано или поздно умрешь.

И еще сказал, подумав, чуть тише, чем следовало:

– За последние полгода ко мне поступили девять мужчин разного возраста. У всех острый сепсис, вызванный неизвестной инфекцией нервной системы. Сгорали за несколько дней. У каждого были укусы. Такие, мелкие, будто грызуны поработали. У кого-то на шее, у кого-то под мышкой или на затылке. Разные, в общем. Я еще никому не говорил, но сдается мне, что это проделки русалок.

– У нас в городе поселилась русалка?

– Почему бы и нет? Подумай, зачем каждый год плыть к берегу и искать себе жертву для оплодотворения, если можно поселиться городе и выбирать любого проходящего мимо мужчину? Рано или поздно эти твари могли до такого додуматься.

Надя переваривала услышанное несколько дней и однажды вечером после работы отправилась к Денису.

Мысли сделались колкими, острыми. Вместе с волнением нарастал страх, от которого дрожали пальцы. Надя не знала, что собирается говорить и делать, но почему-то была уверена, что брат выслушает ее. Как минимум выслушает…

Она позвонила в дверь, потом постучала, прежде чем сообразила, что никто ей не откроет. Дениса не было, несмотря на поздний час. Хотела взять телефон и набрать номер брата, но почему-то одернула себя и полезла за ключами. Страх перерос в злость. К черту! Она сидела с Денисом после смерти Ольги, бегала к нему каждый день, приводила в себя, ухаживала, так почему он не хочет рассказать всю правду об этой своей русалке?

Надя распахнула дверь, шагнула в темноту коридора. Сразу почувствовала отталкивающий запах тухлой рыбы. Воздух шевельнулся, проникая миазмами в ноздри, облепляя веки и путаясь в волосах. Едва сдерживая позывы к рвоте, она включила свет.

На полу блестел жирный размазанный след. Из ванной доносились звуки. Кто-то копошился, попискивал.

Надя поняла, что́ там, но старательно отмела непрошеную мысль. Потому что если она права, то где-то в квартире почти наверняка лежит мертвый Денис. Русалки не оставляют в живых, помните?..

Она затряслась от страха и злости. Подошла к двери, щелкнула выключателем – и когда увидела то, что находилось в ванне, заорала так, что захлебнулась горячим едким воздухом.

В ванне копошились вылупившиеся из икринок твари. Русалки еще не обрели человеческих черт, на их треугольных мордах выделялись глазищи с вертикальными зрачками и мощные челюсти с частоколом зубов. Атрофированные руки елозили вдоль тела, хвосты извивались и хлестали из стороны в сторону. Бледная кожа русалок была густо покрыта слизью. И все вместе – сотни крошечных тварей – походили на слипшуюся чавкающую массу не то рыб, не то головастиков.

Надю таки стошнило, она вывалилась обратно в коридор и поспешила на кухню. Первое, что сделала, – открыла окно, высунулась наполовину и стала вдыхать свежий прохладный воздух. Звук копошащихся русалок не покидал ее. Казалось, что эти твари сейчас выберутся из ванны и набросятся, чтобы сожрать. Ведь им нужен корм, верно? Корм, который ходит, дышит, живет.

– Денис! – позвала хриплым голосом. Идти по коридору мимо ванной было очень страшно. – Денис!

Никто не отзывался. Пальцы впились в подоконник. Надя лихорадочно осматривала кухню, пока не уперлась взглядом в раковину. Решение пришло быстро: под раковиной у Дениса стояли две бутылки очистителя труб, бутылка «Доместоса», еще одна, начатая, – средство от накипи. Надя сгребла их и поволокла к ванной комнате.

Страх переливался через сознание, как морские волны через преграду. Она вспомнила трупы мужчин, которых вылавливали из моря со следами укусов. И рассказ патологоанатома тоже вспомнила.

Надя ворвалась в ванную, на ходу срывая колпачки с бутылок. Опрокинула «Доместос» в шевелящуюся склизкую массу. Жидкость выходила толчками, зашипела и запенилась при соприкосновении с русалочьими телами. Ванну наполнил тонкий пронзительный визг. Надя, зажмурившись, принялась выливать следующую бутылку. В ноздри проник совсем уж мерзкий запах, но вытошнить было нечего. Желудок дергался от болезненных спазмов. Когда закружилась голова, Надя вышла в коридор, отдышаться.

Из ванной комнаты кричали болезненно и дико. К этим крикам вдруг прибавился еще один – взрослый, женский. Надя повернулась и увидела в дверях Дениса, держащего на руках женщину.

Ноги ее были плотно перевязаны влажными бинтами, пропитанными кровью.

– Ты их убила! – закричала женщина, и звуки ее голоса впились в мозг, как рыболовные крючья.

Надя не обратила внимания на крик. Она увидела брата. Живого, господи, живого и здорового!

Улыбнувшись, она сделала шаг к Денису, а женщина на его руках вдруг рванулась к ней, вытягивая длинные тонкие руки с длинными же тонкими пальцами. Ногти впились в кожу, разодрали щеки. Денис отшатнулся, выпустил русалку, а сам шлепнулся на пол, упершись спиной о дверь.

Надя под весом нападавшей упала тоже. Ударила несколько раз кулаками в пустоту. Воздух вокруг заволокло запахом протухшей рыбы. Что-то звонко клацнуло около уха. Чужие пальцы лезли в рот, царапали и раздирали лицо.

– Ты их убила! Моих детей! Убила! Убила!

Наде нечего было ответить. Она не могла сопротивляться бешеному напору русалки. Пыталась прикрыть лицо руками, но увидела перед собой распахнутую пасть. Челюсти русалки сомкнулись на носу, с хрустом и чавканьем вырвали его. Боль заметалась по телу. Надя закричала, но в распахнутый рот снова полезли тонкие извивающиеся пальцы, нащупали язык – вырвали. Потом острый ноготь наотмашь черканул по левому глазу. Мир наполнился темнотой и криками.

Надя позвала:

– Денис! Спаси! Денис, пожалуйста!

Но брат не пришел на помощь. Не в этот раз.

* * *

В этот раз инстинкты победили.

Русалка развернулась на руках, рассматривая Дениса.

Он сидел в коридоре, упершись о входную дверь. Глаза распахнуты, рот приоткрыт, кадык ходит вверх-вниз, вверх-вниз.

Больше не было смысла скрываться, пусть смотрит на нее такую, какая есть: зеленые волосы, глаза с тонкими вертикальными зрачками, большие челюсти, рваные губы, чешуя на щеках и висках и еще – атрофированные жабры на шее.

Русалка медленно подползла, давая Денису время, чтобы он понял: Оли нет и никогда не было. Все морок и разочарование. Он был влюблен в образ, который создал сам себе, а она лишь немного помогла Денису… сделала его счастливым на короткое время. Ну а теперь пора заканчивать.

Он хотел что-то сказать, но русалка опередила: навалилась, вдавила пальцами кадык Дениса внутрь – ногти порвали кожу. Впилась зубами в его сухие обветренные губы, будто в вареные креветки. Откусила. Когда Денис закричал, русалка сломала ему руки в суставах, выбила плечи, вышибла коленные чашечки – и только после этого принялась неторопливо, как умела, душить и кусать.

Она не испытывала удовольствия, скорее, ей стало вдруг уютно от возвращения в привычное состояние. Русалки убивают мужчин – это инстинкт, зов, непреложное правило, как хотите называйте. Русалка, которая сопротивляется инстинктам, плохо кончит.

Как там говорил Денис: это похоже на городскую сказку. Верно.

Не нужно было очеловечиваться. Вот чем закончилось в итоге.

Русалка поползла в ванную. Уже по запаху поняла, что дело плохо. Перевалилась через борт ванны и увидела своих мертвых детей в пузырящейся серой пене. Дети слиплись между собой, их пасти были распахнуты в безмолвных криках, глаза вытекли, а хвосты посмертно вздрагивали.

Бедные, бедные дети.

Русалка беззвучно плакала рыбьими слезами, пока инстинкты не отступили и разум снова не стал светлым. Выхватила взглядом еще живых детей, тех, кого можно было спасти. Принялась соскребать их, очищать, умывать холодной проточной водой. Складывала в пластмассовый красный тазик. Плакала и плакала.

Живых насчитала двенадцать особей. Трое из них вряд ли выкарабкаются, но остальные… если не поздно…

Оля

Та, кого называли Олей, выбралась из квартиры на следующую ночь.

Плоть регенерировала быстро, стопы тридцать шестого размера с красивым педикюром прижились, а нити швов растворялись, оставляя тонкие полоски шрамов на бледной коже.

Весь день она пробовала ходить. Приятно было ощутить пятками холод линолеума и кафельного пола. Мышцы болели, а на плечи давила невидимая сила. Но Оля справилась – к вечеру она уже нелепо пританцовывала, стирая кляксы крови в коридоре влажной половой тряпкой.

Денис был еще жив. Она уложила его на диван и время от времени присаживалась, тихо шепча:

– Спасибо! Я почти уже чувствую себя человеком.

Он не реагировал, не было сил, но явно слышал.

Ночью она вышла из квартиры, легко спустилась по ступенькам, выпорхнула в прохладу города – как и мечтала! Нашла машину Дениса, погрузила на заднее сиденье таз с водой, где плескались выжившие дети. Рядом положила и самого Дениса, предварительно завернутого в одеяло с головой.

Ехать на машине оказалось несложно. Особенно, когда не заботишься о качестве вождения. Ей понравилось подставлять лицо ветру через открытое окно, понравились запах бензина и звук работающего двигателя.

Та, кого звали Олей, мчалась сквозь ночной городок к морю. Она не знала маршрута, но знала, что здесь в любом направлении – вода. Морем пахло повсюду.

Выкатила к пустому причалу, заглушила мотор, почувствовала умиротворяющую тишину. Вспомнила, каково это – находиться глубоко под водой, куда почти не проникает свет и не доходят звуки. Будто что-то могучее окутало ее со всех сторон, как махровое одеяло. Когда-то давно ей нравилось это чувство, но сейчас время изменилось.

Вытащила Дениса, раздела его и разделась сама. Взяла на руки обмякшее тело и прыгнула с ним в воду. Денис нашел в себе силы барахтаться, но вскоре затих. Оля увлекла его от берега в глубину, в темноту, в тишину. Плыть с новыми ногами оказалось не так удобно, как с хвостом, но она быстро привыкла.

Денис захлебнулся минуты через полторы. Оля надеялась, что он так и хотел – умереть в воде, зная, что его жена тоже где-то здесь, пусть в фантазиях и воспоминаниях, но рядом. Она бы прихватила арматуру, но не знала, где ее взять… И так сойдет, в общем. Отпустила тело Дениса в нескольких километрах от берега и поплыла обратно.

В машине ее ждали выжившие дети.

Оля знала, что будет делать дальше. Ей хотелось выехать на трассу и мчать, мчать подальше от этого городка, куда глаза глядят, в сердце страны, чтобы вокруг было много мужчин и мало русалок, чтобы не пахло морем, водорослями, солью и рыбой.

Пока так. Задавив инстинкты. Сухопутная русалка на ногах.

Оксюморон.

Владимир Чубуков. Бабушка

Часть первая

Кличка у Лены Матерьяльцевой была жутковатая. Красная Шапочка.

Получила ее, потому что носила шапочку из кожи индейца. На вид этакий пилеолус, или дзуккетто, как у католических кардиналов. Считалось, что шапочка защищает девочку от зла – от педофилов, сатанистов, гопников и чего похуже. Такие шапочки из кожи индейцев стали популярны после того, как во время американского Зомбо-Хаоса наш бравый президент аннексировал Аляску, вернул ее на родину, так сказать, и вошла она в состав земель российских, что, в свою очередь, позволило алеутской мафии выйти на наши просторы. Вместе с алеутами просочились к нам и теплолюбивые индейцы из южных американских штатов, поэтому индейцев у нас оказалось как-то многовато. Но кончилось все хорошо: объединенными усилиями традиционных для России этнических бандитских группировок был остановлен индейский беспредел на Святой Руси, обнаглевшие индюки поставлены на место и согнаны в Биробиджанскую резервацию, Аляска же покорно легла под наших. В наследие от индейских войн нам остались две вещи: выражение «посадить на кактус» и шапочки из индейской кожи.

Как-то так сложилось убеждение, что если индейца налысо побрить, скальп с него снять, обработать должным образом, то выйдет из этого скальпа клевая шапочка, к тому же обладающая защитными мистическими свойствами. Такие шапочки стали красить в красный, алый, малиновый либо бордовый цвет и назвали красными. Выражение «красная шапочка» в народе прижилось. Стоили такие шапочки немало, многие мечтали их иметь, да не всякому было дано, а вот Лена Матерьяльцева, на зависть окружающим, красной шапочкой обзавелась. Папин подарок. Был ее папа лихим человеком, семь индейских скальпов снял собственноручно. И погиб как настоящий пацан – в бетон закатали.

И вот отправилась наша Лена к бабушке, в лес. Шапочка на голове, рюкзак за спиной. Идет, в наушниках авангардный джаз-метал воет и скрежещет. Последние проблески цивилизации за спиной давно померкли уже. Вокруг только уродливые деревья и мертвые десантники на ветвях висят. Одни трупы мумифицированы, другие выглядят свежими, кровушка с молочком, хотя висят уже третий год. Вот эти последние, когда под ними проходишь, все кажется, будто взглядами тебя провожают и губы их мертвые кривятся в плотоядных усмешках.

После падения метеорита, когда город в одну ночь зарос лесом, а беженцы в истерике рассказывали про страшных тварей, которые лезли из древесных дупел и нападали на людей, решили в зону падения послать войска. И лишь когда полегла целая десантная дивизия, президент наконец послушался Крахоманова, главного кремлевского экстрасенса; тот настаивал, чтобы никто и носа не казал в пятикилометровую зону вокруг места падения метеорита.

Лена с мамой и бабушкой жили в добротном двухэтажном доме на окраине города, в паре километров от места падения. Когда началась паника, Лена с мамой убежали, прихватив немного вещей, а бабушка осталась. Она была очень жирной, ходить не могла, сидела, расплывшись, на диване, и сказала дочке с внучкой: «За меня не беспокойтесь, милые, уж я-то не пропаду». И точно – не пропала. Единственной была, кто остался в зоне падения и выжил. А все почему? Потому что старая ведьма была ведьмой не только в фигуральном, но и в самом прямом смысле.

За те почти три года, что прошли со дня падения метеорита, бабушка еще больше разжирела. Ее телеса уже не помещались ни на диване, ни в комнате, ни даже на этаже, но со второго этажа, где она обитала, перетекли на первый, заполнив большую часть помещений внизу.

Жирела бабушка оттого, что с помощью колдовства и гипноза привлекала к себе всякую живность – тварей Божьих и неведомых тварей дьявольских, обитавших в лесу, что разросся вокруг. Приходили твари на зов ее и сами покорно лезли к ней в рот, который у бабушки эволюционировал в целую пасть с острейшими зубами и уже не просто открывался, а прямо-таки разверзался, заглатывая жертвы. Неведомые твари, проникавшие в наш мир, были чрезвычайно питательны.

Безмерно разжирев и раздавшись, бабушка вместе с тем отрастила себе новые конечности, которыми могла орудовать на первом этаже дома, в то время как на втором заседал ее основной корпус. И рот у бабушки был блуждающий; если голова вместе с мозгом пребывала безвылазно на втором этаже, то рот неким противоестественным образом умудрялся блуждать по всему телу, стремительно двигаясь по нему, словно акулий плавник в воде, и распахнуться мог где угодно – хоть на втором этаже, хоть на первом.

Глазами для подслеповатой старушки служили загипнотизированные мухи, летавшие по дому и вокруг него. Визуальную информацию, получаемую мухами, бабушка считывала на лету.

Колдовские способности ее после падения метеорита усилились, ибо космос, откуда метеорит прилетел, был полон черного колдовства и адских созданий, средь звезд кишащих кошмарными тенями.

Но вернемся к нашей Лене. Бабушку она периодически навещала. И хотя лес, где бабушка жила, был опасен, однако с девочкой ничего дурного до сих пор не случалось. То ли кожа индейца и впрямь защищала ее, то ли это бабушка мистически протежировала любимую внучку.

Лена остановилась и присела пописать. Сидя под кустом, услышала треск веток (как раз в ее наушниках один трек уже стих, а другой еще не громыхнул) и краем глаза заметила силуэт, мелькнувший за деревьями. Она тут же отключила плеер и едва успела привести себя в пристойный вид, как увидела человека, выходящего из-за дерева. Высокий худой мужчина, голый, неестественно бледный. Казалось, тонкая белесая кожа его натянута на плесневелый каркас, и эта внутренняя плесень безобразно сквозь кожу просвечивает.

Лена, в свои тринадцать лет, была невинна и целомудренна, поэтому сильно смутилась, завидев голого мужчину.

Смущение тут же сменилось страхом, как только рассмотрела то, что висело у незнакомца между ног: там извивался пучок щупалец. Вид вполне осьминожий, цвет телесный, выглядели щупальца тошнотворно.

– Привет-привет! – сказал незнакомец бодро, но в то же время несколько отстраненно, словно Лена ему только мерещилась и он, по какой-то иррациональной прихоти, заговорил со своей галлюцинацией.

– Здравствуйте, – настороженно ответила девочка.

Незнакомец молча обошел ее по кругу, со всех сторон рассмотрел, особое внимание обратил на шапочку.

– Позвольте, а вы кто такой? – спросила Лена.

Незнакомец застыл на месте.

– Я-то? – произнес задумчиво. – Ну… Владимир… Волков. По роду занятий контрабармаглот. Знаешь, да? «О, бойся Бармаглота, сын! Он так свирлеп и дик!» Я тоже свиреп и тоже дик, как и положено всякому контрабармаглоту. Борьба со злом – ремесло суровое.

– Вы что, убийца Бармаглотов? – уточнила Лена.

– Да, и это в том числе, – рассеянно подтвердил Волков, озираясь, словно проверяя, не подкрался ли к ним какой-нибудь Бармаглот, пока они беспечно беседуют; похоже, не подкрался.

– Вы чокнутый? – спросила девочка прямо; она могла быть прямолинейной до полной бестактности.

– Не могу отрицать, – ответил Волков неожиданно серьезным тоном. – Я, конечно, тешу себя надеждой, что распад личности зашел не слишком далеко, но знаешь, как оно бывает! И потом, меня учили всегда предполагать самое худшее.

– А вы убиваете Бармаглотов чем – голыми руками?

Волков усмехнулся:

– Бармаглота нельзя убить руками, только разумом.

И показал пальцем на пучок щупальцев у себя между ног.

– Это у вас там разум? – поинтересовалась Лена с некоторой брезгливостью. – А что в голове?

– А в голове мозг. Мозгу и без разума хорошо. Мозг – хитрая тварь, которая без всякого разума вполне может имитировать разумную деятельность. Разум же базируется здесь. – И он пошевелил своими щупальцами, которые раскрылись, будто зловещий цветок. – Поэтому и говорится про целомудрие – что оно есть либо нет его. Поняла?

Лена ничего не поняла, но кивнула.

– Интересно было бы посмотреть, как вы убиваете Бармаглота.

Волков странно взглянул на девочку, словно только сейчас заметил ее по-настоящему.

– Чтобы убить Бармаглота, нужно стать объектом его внимания. А чтобы стать таковым, нужно вызвать его. Хочешь вызвать – выполни условие.

– Какое условие?

– Бармаглот является в наш мир из портала. – Волков указал пальцем на дупло ближайшего дерева. – И чтобы вызвать эту тварь, надо сделать кое-что. Испытать страх. Страх вблизи портала. Страх привлечет и выманит Бармаглота. Поскольку я бояться не способен – могу только внушать страх, но никак не испытывать, – то бояться придется тебе. Давай начинай.

– Начинай – что?

– Начинай испытывать страх.

– Я не могу, – сказала Лена.

– Девочка, ты меня разочаровываешь! Я ведь знаю, что женщины – хитрые бестии, которые для защиты от страшных бестий, мужчин, отточили искусство притворства до потусторонней остроты, так что и сами начинают верить себе, когда лгут. Пустят фальшивую слезу – и сами убеждаются в ее искренности. Так и со страхом: подделывают ловко и покупаются на свой обман.

– Да не могу я! – воскликнула Лена с некоторой даже злостью. – Я вам кто, робот, что ли?!

– Конечно, милая! А кто же ты еще? Мы все тут роботы, андроиды, квазилюди, псевдочеловеки. Такова уж наша сущность, она искривлена, как фальшивая улыбка. Прикинься, что боишься, прикинься тщательно – и тут же сама себе поверишь.

– Нет, я так не могу.

Волков пристально посмотрел на нее, въедаясь взглядом и что-то вычисляя для себя.

– Я понял, – сказал он наконец, – что с тобой не так. Ты… Но да ладно! Не будем. Хорошо! Я сам посею страх в твоей душе. Иди ко мне.

Лена послушно приблизилась, встала перед Волковым, лицом к лицу.

– Смотри мне в глаза! – велел он. – Не отрываясь.

Девочка заглянула в его глаза. Зрачки Волкова расширились. Лена погружалась в их магнетическую черноту, холодную и пустую, которая словно присасывалась к ней. Высосанная из реальности, она не видела и не чувствовала, как щупальца Волкова удлиняются, поднимаются

к ее лицу, ползают по нему, охватывают голову, истончаются, заползают в ноздри, в уши, в рот, как обвивают ее мозг, находят в нем центры различных чувств. Руки Волкова непроизвольно поднялись над головой, раскачиваясь, будто стебли на ветру. Пальцы когтями хищной птицы свисали с надломленных запястий.

Липкий ужас снизошел на Лену. Дрожь побежала по коже. Ноги подкосились, и она упала бы, когда б не щупальца, державшие голову. Волков осторожно уложил девочку на засохшую грязь, извлек щупальца из всех отверстий. Приказал:

– Смотри!

Зрение вернулось, и она увидела лицо Волкова, нависшее над ней. Теперь девочка постигла, что это чудовище под маской человека, антропоморфный зверь из бездны. Страх парализовал Лену. Здесь некому было ее спасти. Она оказалась наедине с кошмарной тварью. Безумное желание охватило ее: пусть явится сюда другая тварь, еще кошмарней, чудовищней, смертельней!.. Пена выступила у девочки на губах.

– Сейчас сниму сливки твоего страха и закину в портал, – сказал Волков.

Склонившись, он слизал пену с ее губ. Выпрямился, подошел к дереву, заглянул в дупло и плюнул в его черноту.

– И белый кролик полетел слезой мороженой во тьму… – прошептал, вглядываясь в дупло. Повернувшись к Лене, прибавил: – Мы с тобой разбудили силы мрака. Теперь терпеливо ждем. Бармаглот скоро прибудет. Ты, конечно, понимаешь, что никакой это не Бармаглот, так его зовут условно. Да никто, кроме меня, и не зовет. Кто он на самом деле, знать не знаю.

Волков помог девочке встать, велел отойти подальше и оттуда смотреть, сам же уселся на землю близ дерева. Лена наблюдала за ним и за деревом из отдаления. В какой-то момент она задремала, веки сомкнулись, а когда разомкнулись, увидела, что из дупла вылезает бледная фигура. Волков поднялся и поджидал гостя. Вздыбленные щупальца хищно шевелились на весу.

Когда фигура выбралась наружу, Лена увидела, что пришелец – точная копия Волкова. Тот же рост, то же сложение, те же черты лица, и кожа, и щупальца в паху!

Два близнеца начали кружить друг вокруг друга в подобии ритуального танца, и Лена вскоре уже не понимала, кто из них кто – где Волков, а где пришелец. Щупальца соперников удлинялись, оплетали тела друг друга, и вскоре оба оказались заключены в их переплетения. Упав, эта пара каталась по земле. Ни звука при этом не издавая. Молчание обрамляло жутковатую картину.

Наконец поднялся один, высвобождаясь из уже бессильных щупалец соперника, а тот остался лежать. Победитель взглянул на Лену и поманил ее пальцем. Лена ощутила тошнотворный холодок внутри. Кто он, этот выживший? Волков? Или Волков – тот, поверженный? Надо бежать, решила она.

И побежала. Но страх обессилил ее. Шатаясь, едва не падая, Лена судорожно брела по лесу. Бледная фигура шла за ней следом, соблюдая дистанцию.

Именно это – дистанция – и убедило ее, что за ней идет Волков. Будь то другой, он бы давно уже нагнал и напал. Лена прекратила заторможенное бегство.

– Имя! Имя назови! – потребовала от фигуры.

Та ответила:

– Да Волков я, дуреха! Владимир Ильич. Ну! Беда с вами, бабами, беда! Как страх нужен, так вы испугаться не можете, а где не надо – там у вас паника. Вот все у вас через задницу!

Он приблизился, обнял дрожащую девочку за плечи, и та разрыдалась, уткнувшись ему в грудь.

– Я думала, это не ты, – сказала Лена сквозь слезы.

– Я, не я! Глупая, вот же глупая! Все у моего «я» будет хорошо, даже если оно – не я, – бормотал Волков, неловко поглаживая девочку по волосам. – Слушай, а вот скажи мне, что ты в рюкзаке несешь? Пирожки? Может, мы с тобой слопаем парочку?

– Не, – Лена помотала головой. – С пирожками в лес ходить – такое бывает только в сказках для дебилов. Если б у тебя дочь была, отпустил бы ты ее одну в лес, чтобы пирожки куда-то отнести?

– У меня сын, – ответил Волков. – Чуть младше тебя. Ремня бы я ему дал, попробуй он только в этот лес сунуться.

– Вот видишь, а ты говоришь «пирожки»!

– Что ж ты несешь такое?

– Сейчас покажу, – произнесла Лена, отстраняясь и снимая рюкзак со спины. – Вот.

Она достала и показала Волкову отрубленную женскую голову.

Короткие волосы с проплешинами. Неестественно длинная тонкая шея, словно какой-то хвост, висела под головой. Выпученные остекленевшие глаза. Из распахнутого рта высунулся длиннющий язык. Волков аж присвистнул от изумления.

– Чья? – тихо выдавил из себя.

– Мамина, – просто и буднично ответила девочка.

– Ты что, маму грохнула?

Лена рассмеялась. Волков смотрел на нее, растерянный.

– Дурацкий же вопрос! – произнесла сквозь смех. – Я тебе отрезанную голову показываю, а ты такой: маму, что ли, грохнула? Глупее ничего не мог спросить? Убийца Бармаглотов! Голову включай иногда. Хрен знает чем думаешь, а думать надо головой.

Отсмеявшись, она засунула мертвую голову в рюкзак, затянула горловину и, не обращая внимания на Волкова, двинулась в своем направлении. Бросила на ходу:

– Короче, я пошла. Мне до темноты нужно туда-сюда обернуться. Хочешь со мной, тогда не тормози.

Волков постоял немного и двинулся вслед за Леной. Вскоре нагнал ее. Шел чуть позади и сбоку.

– Когда метеорит упал, – рассказывала она по дороге, – мама чем-то заразилась. Мы ж не знали ничего. Да и сейчас – что мы знаем? Удрать-то сумели, но заразу с собой унесли. Пока в палаточном городке жили, все нормально было. А как получили домик в поселке, теремок этот, тогда и началось. Словно зараза ждала, пока мы уединимся. Короче, у мамы шея и плечо опухли с левой стороны. Опухоль за один день образовалась. Мама – в панику. К врачам боялась идти: а ну-ка, изолируют! Беженцы из зоны все ведь на особом счету. Ну и проходила с опухолью целый день. Что делать – не знала. А ночью проснулась – кошмар приснился – и видит над собой лицо. Женское. Думала, забралась в дом какая-то мерзавка, но потом поняла: лицо-то ее собственное! И шею увидела. Из опухоли выросла вторая голова, размером почти как первая, чуть поменьше, а шея тонкая, гибкая, длинная. Эта шея изогнулась как змея, а голова на ней смотрит, смотрит. Глаза безумные. Мама в крик, меня разбудила. Я вбежала, включила свет – и тоже давай орать. Как две дуры мы тогда вопили. Вдруг вторая голова – раз! – и плюнула маме в лицо. А потом языком слюну слизала. Ей, похоже, понравилось, и давай она маме в лицо плевать, потом облизывать. Мерзость такая! Я догадалась треснуть вторую голову по затылку пепельницей, она сознание потеряла. У мамы дурная привычка курить в постели. Ненавижу такое! Но в тот раз пепельница пригодилась. Мама говорит: «Надо эту голову быстрей отрезать». Мама у меня вообще решительная. Приняла она обезболивающее, а я лишнюю голову отчикала садовым секатором. Выбрала место, где шея потоньше. Рану прижгла. У мамы отросток второй шеи, сантиметров двадцать, остался. Она потом спрятала его под платок и к ветеринару – папиному старому знакомому – пошла, тот ей грамотно все отрезал, рану обработал. Тогда мама и решила отправиться в лес, к бабушке. Меня с собой не взяла, боялась.

Голову отрезанную понесла. Думала, бабушка объяснит ей, что это за фигня. Но бабушка сказала только, чтоб голову ей оставила – разбираться будет. Месяца через три все повторилось. На этот раз мы четко действовали. Раз, два – и «Гитлер капут». Мама с новой головой опять к бабушке пошла. Та сказала, что ее колдовство против этих голов бессильно, поэтому терпи, головы отрезай, раны залечивай. Это все проклятие какое-то инопланетное, которое нашими средствами не снять. Дала мази для заживления ран и для обезболивания. Сказала, чтоб мама не только сама к ней приходила, но и меня брала, что ничего с нами в лесу не случится, поэтому спокойно ходите и приносите все отрезанные головы. Вот и ходим: то я, то мама.

– Однако! – вымолвил Волков.

– А ты: «Пирожки, пирожки»! – рассмеялась Лена. – Вроде взрослый человек, а какая чушь в голову лезет! Раньше мне казалось, взрослые – это как боги, запредельные какие-то существа. Думала: ой, я ведь и сама когда-нибудь взрослой стану, ёлы-палы, как здорово и страшно! А теперь вот расту и к вам, взрослым, все больше приближаюсь, так у меня измена какая-то, стремно че-то: куда я движусь, в какую пропасть?!

– Это нормально, – отозвался Волков. – Подростки в твоем возрасте – сплошь злобные гаденыши, старших уважать перестают, зубами только клацают на всех и вся. Конечно, тебе покажется, что проваливаешься в пропасть. Так оно и есть. Это собственное естество начинает разверзаться под тобой. Еще пару-тройку лет – и тебя так накроет, что мама не горюй!

– Слушай, ты можешь мне объяснить, почему вот это вот, которое из дупла вылезло, так на тебя похоже? Ты что, тоже оттуда вылез?

– Я-то? – задумался Волков. – Да вроде нет. Я ж помню, у меня жизнь была, семья, служба. Теперь я здесь…

– А, я поняла! – воскликнула девочка. – Когда Бармаглоты к нам лезут, они принимают вид того человека, который вблизи дупла оказался. Они, типа, наши стремные двойники, да? Злые доппельгангеры.

– Может быть, – пожал плечами Волков.

– А щупальца у тебя откуда?

Опять плечами пожал:

– Да они всегда у меня. Или… Не знаю.

Остаток пути молчали.

Наконец и бабушкин дом за деревьями показался. Когда подошли к забору, Лена наказала Волкову во двор не входить, снаружи подождать, а то мало ли что.

Сама вошла во двор, и тут же мухи окружили ее целым роем. Лена не отгоняла их, то ж бабушкины мушки. Она улыбнулась им, через них передавая улыбку бабушке.

– Ягодка моя! – раздался бабушкин голос, пещерно-глубокий, когда Лена ступила на порог.

– Привет, бабуль! – отозвалась она.

– Новую принесла? – осведомилась бабушка.

– Ага.

Лена сняла рюкзак и достала голову. Одна из нижних бабушкиных рук (а нижними она называла те руки, которыми орудовала на первом этаже), похожая на анаконду, с огромной птичьей лапой на конце, подползла к Лене, приняла голову в свои когтистые пальцы и утянула ее во мрак. Просторный холл на первом этаже был наполнен легким сумраком, который сгущался в глубине, превращаясь в чернильную тьму, где бабушка скрывала свою плоть. Из этой колдовской тьмы раздавался голос, оттуда выползали страшные змеистые руки.

После бабушкиной трансформации Лена никогда не заходила в глубину холла, никогда не видела бабушку – только эти руки, выползавшие из тьмы. Ей хватало того небольшого пространства на границе тьмы, которое бабушка отвела для них с мамой в начале холла, перед входной дверью.

Какой стала бабушка после всех метаморфоз – Лена не знала и не могла удостовериться: действительно ли это все еще бабушка, не чуждая ли тварь какая-нибудь, занявшая место старушки?

Мама – та видела бабушку в новом облике, она все рассказала дочери, а девочка поверила без малейших сомнений, ибо привыкла маме доверять. Лена верила в то, что с ней говорит бабушка, что именно к бабушке она приходит в гости, что этот дом для нее не ловушка. Чистую веру девочки не могло поколебать даже то, что она явственно чувствовала дыхание ужаса, исходившее из неестественно густой тьмы, в которой скрывалась бабушка. Лена понимала, что бабушке, дабы выжить в лесу, как раз и надо быть такой – внушающей ужас, жуткой и смертоносной, иначе ведь и нельзя. Лена даже чувствовала особый уют, сладостную жуть, когда ее омывал ужас, излучаемый бабушкой. Сидеть в кресле на гостевой стороне холла, пить травяной чай и слушать родной голос – это приносило девочке необычайное удовольствие.

Вот и сейчас она удобно устроилась в кресле с чашкой ароматного чая, закусывала ягодами в желе и внимала одной из бабушкиных историй.

Та часто вспоминала молодость, дедушку, рассказывала, как он ухаживал за ней, какие безумные номера откалывал при этом, вспоминала всякие смешные случаи из жизни мамы, когда она была маленькой. Но вот о чем бабушка никогда не говорила – так это о своих занятиях колдовством. На этой теме лежало табу. Лена однажды спросила об этом, и бабушка сказала лишь, что все началось с ее работы фармацевтом, когда она сидела в аптеке и составляла лекарства по рецептам – это, в конечном счете, и привело ее к черной магии. Больше на эту тему говорить не желала. Зато о мелочах обыденной жизни болтала с удовольствием.

И сейчас бабушка что-то рассказывала внучке, интересное и смешное, но вдруг прервалась.

– Скажи-ка мне, ягодка моя, – строго спросила, – кого ты там привела с собой? Что за чучело у забора ошивается?

Лена поперхнулась чаем и робко вымолвила:

– Бабусь, это… Ну, это Волков. Он в лесу встретился.

– Волков, говоришь?

– Ага, Волков Владимир Ильич. Контрабармаглот.

– О-хо-хох… – вздохнула бабушка. – Сейчас позову его и посмотрим, что за Волков.

В ушах у Лены слегка зазвенело, и кожу начало покалывать: так ментальный бабушкин зов проявлял себя на физическом плане.

Дверь скрипнула, отворяясь, и в доме появился Волков. Миновал Лену, даже не взглянув на нее, почти вошел в глубокую тьму и замер на границе видимости.

– Кто таков? – сурово осведомилась бабушка. – Только правду говори. Ничего, кроме правды.

– Владимир Волков, контрабармаглот, – механически отвечал тот, погруженный в транс.

– Что за мерзкий вид у тебя? – продолжала бабушка допрос.

– Так надо, – произнес Волков тем же ровным безжизненным тоном.

– Должность, звание, из какого подразделения?

– Не могу знать. Информация засекречена от меня самого. Память стерта.

– Черт! – ругнулась бабушка. – Такого я еще не встречала. Ладно. Иди ко мне, я тебя раскушу.

Волков послушно двинулся в глубь холла. Лена смотрела, как его бледный силуэт растворяется во тьме, словно тонет в черной воде. Вот он и пропал окончательно.

Во тьме у Волкова включилось ночное зрение. Он шел среди уродливых груд бабушкиной плоти, похожих на тесто, разбухшее от дрожжей, или на клубы воска, подогретого в глицерине. Местами из этой массы высовывались огромные змеистые руки с различными захватами на конце – то птичьи лапы, то пучки щупалец с присосками, то почти человеческие длинные

пальцы. Кое-где из телесных масс поднимались похожие на грибы головы на длинных шеях. Волков опознал двойников той самой головы, которую показала ему девочка. Почему они торчат из бабушкиной плоти, он не задумывался: в состоянии гипнотического транса еще можно кое-как фиксировать окружающее, но анализировать уже нельзя.

На самом деле бабушка прививала себе эти головы для изучения. Имелась у нее научно-исследовательская жилка, побуждавшая к рискованным экспериментам. Феномен голов был ей непонятен, и она решила разобраться в нем эмпирически. Но головы так и оставались загадкой. Привитые к телу, они оживали, впрочем, это была какая-то лжежизнь, подобная загробному сну. Бабушка получала доступ к их разуму, но тот был настолько не человеческим, даже не животным, что ни понять его, ни вступить с ним в осмысленный контакт никак не удавалось.

Одна из голов потянулась к Волкову и, выбросив длинный язык, захватила его шею в петлю. Волков остановился. Голова меж тем отпустила шею и начала облизывать языком его лицо, потом грудь, потом живот, наконец спустилась еще ниже, к паху, и тут щупальца Волкова резко дернулись и обхватили голову. Крепко держа, они полезли в ее рот и ноздри, пробрались к самому мозгу, вонзились в него утончившимися кончиками.

Волков проник в разум головы, в тот чудовищный абсурд, что клубился в нем взамен рационального мышления, вошел в его лабиринт, и там с его сознанием соприкоснулось сознание бабушки, чьи ментальные ответвления тоже блуждали по лабиринту в исследовательских целях. Тогда-то и поняла бабушка, насколько Волков опасен.

Не успев разобраться в характере опасности, она тут же расправилась с ним, дабы пресечь угрозу на корню. Три ее руки вцепились в Волкова, поволокли к распахнутой пасти с двойными рядами огромных острых зубов. При этом голова, которую Волков обвил своими щупальцами, оторвалась от шеи; болталась у него меж ног, словно кошмарный плод. Обезглавленная шея извивалась в конвульсиях, брызжа чернильной кровью.

Бабушка кромсала Волкова своими зубами. По туннелю ее глотки ползли к нему симбионты, обитавшие в бабушкином организме. Эти огромные слизни с иглами острейших зубов помогали бабушке разжевывать пищу. Она специально вывела у себя внутри колонию этих тварей. Часто бывало, что она проглатывала какое-нибудь существо, не успев разжевать, и оно, попав в ее глотку, бросалось в бегство и путешествовало по обширному нутру, скрываясь в его закоулках. С такими внутренними беглецами и расправлялись слизни-симбионты. Они настигали беглеца, начинали пожирать его и отрыгивать, тем самым и себя насыщая, и бабушке доставляя удобный материал для переваривания.

Слизни, подчиняясь ментальному бабушкиному приказу, набросились на Волкова и терзали его. Обычно они держались подальше от бабушкиных зубов, чтоб самим не пострадать в их мясорубке, но тут следовало поскорее устранить источник угрозы – этого непонятного Волкова, так что слизнями можно было пренебречь. Пусть несколько особей погибнут от бабушкиных зубов, не беда, главное – Волков будет оперативно ликвидирован.

Один слизень впился ему в глаз, выгрыз его и начал ввинчиваться в голову через глазницу, пожирая мозг. А череп Волкова в это время трескался в орехоколке бабушкиных челюстей.

Лена сидела в кресле, держала в руке недопитую чашку чая и тревожно вслушивалась в чавканье, хлюпанье и скрежет, долетавшие из тьмы, где растворился убийца Бармаглотов.

Ей показалось, что шапочка из кожи индейца липнет к ее голове, как живое существо, словно хочет срастись с нею, стать ее неотъемлемой частью. И еще показалось, что шапочка начала мыслить. Словно на ней оттиснулся разум того индейца, с которого Ленин папа снял скальп для шапочки, а теперь скальп отдавал эти отпечатки разума своей новой хозяйке. Она почувствовала, как вместе с мертвым индейским разумом на нее нисходит ужас. Казалось, призрак погибшего индейца навис над ней, склонился и пьет ее сознание.

Лена вскочила из кресла, чашка полетела на пол, брызнули осколки. Девочка пыталась сорвать шапочку с головы, но та прилипла к волосам. Призрак индейца виделся краем глаза: он сидел у нее на плечах, сгорбившись и опустив губы, вытянутые в трубочку, неестественно длинную, будто нос муравьеда, сквозь шапочку – прямо ей в голову. Погрузил их туда, как соломинку в стакан с коктейлем. Лена металась и корчилась, пытаясь сорвать шапочку. Не получалось.

Бабушка в тот момент дожирала Волкова.

А где-то в небе нарастал вой. Что-то страшное падало сверху.

И когда Лена почувствовала, что призрачные индейские губы уже присосались к ее сердцу, раздался оглушительный грохот взрыва и полыхнуло пламя.

Оторванная от тела голова девочки была жива и продолжала мыслить, когда летела в потоке взрывной волны. Индейская шапочка прочно сидела на ней. Шапочка действительно защищала то, на что была надета, и сейчас защитила голову Лены от разрушения и смерти. Поэтому, когда голова упала на землю примерно в полукилометре от эпицентра взрыва, она была жива и в сознании. Правда, ее сознание совсем почернело от ужаса.

Упав на землю, голова подкатилась к корням дерева, выступавшим из земли, и лежала меж них, направив ввысь оцепенелый взгляд.

Недолго она пролежала там. Из дупла дерева выбралось странное существо с обрубком шеи, вокруг которого, как поганки у пенька, росли на длинных тонких ножках маленькие уродливые головы – человеческие, птичьи, кошачьи, собачьи, рыбьи. Руками-корягами существо захватило голову девочки, осмотрело и обнюхало ее всеми своими головами. Затем скрылось в дупле вместе с добычей.

Призрак индейца, невидимо витавший тут же, хотел было последовать за многоголовым, но едва заглянул в дупло, в его космическую черноту, как в страхе отшатнулся, прошипел индейское проклятие и полетел прочь.

Часть вторая

Покойный Владимир Волков, офицер военной разведки, выполнял в лесу задание командования по сбору информации. В его тело был вживлен маячок, который в момент смерти агента посылал сигнал, автоматически запускавший ракету, нацеленную на то место, где маячок заработал. Военное начальство Волкова разрывалось между желаниями изучать лес и бомбить его, поэтому решили: ежели погибнет агент, обязательно шарахнем ракетой по месту его гибели, а там посмотрим.

Бабушку, едва успевшую сожрать Волкова, взрывом разорвало в клочья, разметало вместе с обломками дома, и черная душа старой ведьмы отправилась в ад. Ее внучка отчасти выжила: голова Лены, хоть и оторванная, была жива благодаря неизученным свойствам индейской шапочки и временно пребывала в шоковом состоянии. Пришла в себя она уже в том жутком мире, куда ведет дупло всякого дерева в лесу. Достоверно про тот мир ничего нельзя сказать, одно только ясно: там нечто худшее, чем ад. Ведь призрак индейца, выползший из преисподней, содрогнулся от ужаса, едва заглянул в дупло. Злобный индейский дух намеревался мстить дочери своего убийцы до самой ее смерти, но и в этой мстительной душонке тлел уголек здравого смысла, и загробная пиявка предпочла отказаться от мести, лишь бы не попасть в то чудовищное измерение, куда ведет дупло и куда унесла голову девочки неведомая тварь.

На месте взрыва образовался кратер размером с небольшой стадион, и в центре того кратера за одну ночь выросло дерево, самое большое в лесу, формой похожее на гриб атомного взрыва.

На самом деле все деревья леса были инопланетными грибами. Они маскировались под обычные земные деревья и годами втихаря выбрасывали споры, которые разносило ветрами

далеко во все стороны от леса. Военные и ученые, наблюдавшие за лесом, и не подозревали даже, что все эти мнимые деревья суть грибы и что такие же грибы уже проросли под видом деревьев далеко за пределами зоны падения метеорита. Но гриб, что вырос на месте взорванного бабушкиного дома, с самого начала не скрывал своей сущности. Огромный, грозный, чудовищный, с широченным дуплом, похожим на злобный космический глаз, возвышался он над выжженной землей на добрую сотню метров.

В ту ночь, когда вырос этот гриб, главный кремлевский экстрасенс Крахоманов покончил с собой. Впрочем, была ли его смерть суицидом, это еще вопрос. Крахоманова обнаружили висящим под потолком на его собственных кишках, вылезших у него изо рта. Казалось, он не просто висит, а истошно кричит, задрав голову вверх, и гирлянды кишок, протянутые изо рта к потолку, воплощают застывший фонтан его крика. Словно выстрелившие вверх языки многоязыкого хамелеона, вцепились те кишки в подвесной потолок. Похоже, в организме Крахоманова произошла некая зловещая мутация. Но дело это темное, результаты экспертизы его трупа были засекречены.

А в лесу меж тем началось движение. Мертвые десантники, висевшие на ветвях, спустились на землю и стали бродить по лесу, собирая разбросанные взрывом части бабушкиного тела. Собирали их и приносили к подножию огромного «атомного» гриба. Старая ведьма, попавшая в ад, руководила оттуда этими мертвецами, которые еще при жизни, как люди служивые, привыкли подчиняться приказам своего армейского начальства, теперь же попали в подчинение к новому адскому командиру.

Если чины адской иерархии сопоставить с земными военными чинами, то бабушка, учитывая все ее колдовские способности, попав в ад, получила там статус, соответствующий примерно генерал-полковнику в должности командующего войсками военного округа. Поэтому вся десантная дивизия, погибшая в лесу, признала ее старшей по званию и должности и безропотно поступила под ее командование.

Насобирав достаточно останков, мертвецы, управляемые нитями бабушкиной воли, уходящими в ад, провели в тени «атомного» гриба разработанный ведьмой колдовской ритуал, в ходе которого забросили останки в дупло гриба. Затем они застыли в ожидании.

Вскоре из дупла начала выползать тошнотворная масса, похожая на мертвую плоть, разложившуюся до состояния желе. Десантники стояли под грибом, а масса все ползла и ползла, заполняя кратер.

И вот уже мертвецы стоят по колено в той мерзкой жиже.

Вот – по пояс.

А вот уж – и с головой скрылись в смрадной глубине бесформенной мертвечины.

Наполнился кратер массой, как чаша, но дупло все продолжало исторгать потоки пузырящейся гниющей плоти.

Военные, наблюдая за этим процессом с помощью дронов, хотели было послать туда ракету, да вовремя одумались. Одну ведь ракету выпустили уже – и что вышло? Морозным ужасом дохнуло на них, когда задумались, что будет, если вторая ракета отдаст свою энергию лесу. Поэтому решили покуда просто наблюдать за событиями.

Когда наступила ночь и черный туман окутал лес, укрыв его от приборов ночного видения, ситуация вышла из-под всякого контроля.

Наутро чудовищное зрелище предстало глазам наблюдателей. Весь лес был затоплен тошнотворной массой гниющей плоти, оформившейся в гигантскую амебу, достигавшую до семи километров в диаметре, а в высоту – до двух километров. На пике этой массы проступало подобие лица с таким кошмарным взглядом, что даже на фотографиях он у многих вызывал кардиологические приступы. По периметру из этой амебы высовывались длинные щупальца с устрашающими захватами на концах. И масса той амебы непрестанно росла.

Пробив лицо этого существа по всем федеральным базам данных, установили, что принадлежит оно Глафире Алексеевне Приворотовой, чья дочь, Лариса Аркадьевна, в замужестве Матерьяльцева, была женой члена крупной ОПГ Леонида Матерьяльцева по кличке Скальпель, убитого во время раздела сфер криминального влияния после так называемых индейских войн. Глафира Алексеевна считалась без вести пропавшей во время падения метеорита на город Чертополошинск.

Военные аналитики, сопоставив все факты, вскоре пришли к выводу, что майор Владимир Волков, герой-разведчик, погиб в том самом секторе леса, где стоял дом, которым Глафира Приворотова владела вместе с дочерью Ларисой Матерьяльцевой.

Когда обо всем доложили президенту, он срочно собрал у себя лучших специалистов-медиумов из Коммуникативного отдела Министерства оккультной безопасности, чтобы они устроили спиритический сеанс и вызвали дух покойного Крахоманова, к советам которого президент всегда прислушивался, а если нарушал те советы, то горько раскаивался потом.

Вызванный медиумами дух Крахоманова сказал, что страшная беда пришла на землю русскую, ибо восстала из ада худшая из ведьм, которая сумела создать себе эктоплазменное тело нового типа, способное трансформироваться в сверхматерию. Необходимое количество элементарных частиц для формирования этого тела ведьма получила и продолжает получать из космической бездны через порталы леса, который весь теперь находится внутри нее, будто в гигантском шатре.

Также Крахоманов посоветовал обратить внимание, что на тысячи километров вокруг места падения Чертополошинского метеорита растет огромное множество деревьев – на самом деле инопланетных грибов – с порталами, которые также выделяют космическую эктоплазму, и та потихоньку течет в сторону зоны падения метеорита, чтоб в итоге слиться с телом ведьмы. Прежде Крахоманов и сам не понимал всей опасности, которую представлял лес, выросший в зоне падения, но теперь, после смерти, у него на многое открылись глаза.

– Что же делать?! – воскликнул побледневший президент; блики ужаса плясали в его глазах.

– Быстрее бомбить, пока не стало поздно! – с жаром отвечал дух Крахоманова. – Три ракеты с ядерными боеголовками, не меньше! Раздолбать проклятую ведьму без пощады! А будут военные отговаривать – мол, не надо бомбить, как бы чего не вышло, – так расстреливать их на месте по законам военного времени! Ведь она уже началась, самая священная из всех священных войн, и медлить нельзя!

Тут же президент отдал приказ о нанесении одновременно трех ядерных ударов по территории, покрытой телом Глафиры Алексеевны. Военных, которые только заикнулись, чтобы отговорить его от такого шага, пристрелили на месте сотрудники президентской охраны.

И полетели три ракеты в цель…

А в это время в Биробиджанской резервации индейские шаманы начали служить торжественный молебен в честь Глафиры Алексеевны, в которой своим обостренным чутьем уже пронюхали новое могущественное божество.

Решение бомбить оказалось худшим, что можно было предпринять в той ситуации. Глафира Алексеевна словно ждала этих ракет, и когда они подлетали к ней, в необъятной плоти ее распахнулось сразу три чудовищных рта, будто три провала, и каждый из них поглотил по ракете.

Взрывов никто не видел и не слышал, поскольку ракеты, проглоченные ведьмой, были перенаправлены в дупла-порталы и ушли в космические бездны, а из бездн через порталы хлынули в ответ такие мощные потоки космической эктоплазмы, что вскоре всю планету затопило этой мерзостной дрянью.

И глазом не успело моргнуть человечество, как очутилось внутри бабушки Глафиры, чьи безмерные телеса покрыли всю Землю – все континенты и все территории морей и океанов, испарившихся от жара ее космически-адской плоти.

С тех пор все мы, выжившие в Глафирином апофеозе, обитаем внутри нее, всеобщей нашей Бабушки и богини, в кошмарных лабиринтах ее грандиозного тела. Сказать ли, что мы теперь живем в аду? Да нет, пожалуй, не станем такого утверждать, ведь мы же еще не знаем, что такое настоящий ад, откуда явилась к нам Глафира Алексеевна и куда каждый отправится после смерти. Живем себе потихоньку, будто черви внутри огромного трупа, извиваемся – каждый в меру своих способностей, пожираем друг друга в погоне за местечком поуютнее, короче, все у нас как у людей.

Правят нами мертвецы, вызванные Глафирой из ада и воскрешенные могуществом ее. Во главе их стоит Глеб Крахоманов, бывший кремлевский экстрасенс и советник президента Российской Федерации, оказавший Глафире неоценимую услугу, когда по ее указке дал нашему бедному президенту губительный совет о трех ракетах.

В память о тех трех ракетах мы теперь отмечаем веселый праздник – Троицын день.

Инопланетные грибы с дуплами-порталами растут повсюду под пещерными сводами Бабушкиного нутра. Из тех порталов являются к нам чудовищные космические твари, Бабушкины союзники, которые помогли ей воцариться на земле. Тварям этим позволяет Бабушка охотиться на нас, похищать нас и уводить в рабство – в свои кошмарные миры, о которых поговаривают, что они хуже самого ада.

Более-менее хорошо еще устроились биробиджанские индейцы, вовремя подсуетившиеся со своим торжественным молебном и оказавшие Бабушке энергетическую поддержку в решительный момент. Это позволило ей скорректировать курс тех трех ракет, которыми ее пытались уничтожить и которые она отдала космическим тварям в обмен на эктоплазму.

Как выглядит Бабушкина плоть снаружи, того мы не ведаем – нам ведь такое не показывают, – а изнутри она представляет собой многоуровневый лабиринт с бесчисленными туннелями и пещерами. Кроме нас, людишек, да вышедших из ада мертвецов, да залетных космических гадин, обитают еще в тех туннелях и пещерах Бабушкины симбионты – прожорливые зубастые слизни, первое поколение которых она вывела внутри себя прежде своей первой смерти. Если мертвецам Бабушка дала право всячески мучить нас, но не до смерти, то слизням дала право нас убивать и пожирать. Бабушка очень умна и расчетлива, поэтому все у нее учтено: скольких человек космические чудовища утаскивают в свои порталы, скольких – пожирают слизни, скольких терзают мертвецы, а сколько таких, что живут припеваючи. За всем этим Бабушка внимательно следит, соблюдая угодный ей баланс, так что какая-никакая справедливость, пусть и чудовищная, в нашем мире все ж таки присутствует.

Ну, а в дни праздников – их у нас три – так и вообще наступает полная безопасность, когда мы отдыхаем от забот и веселимся. В эти дни Бабушка разрешает нам принимать инопланетные наркотики, которые куда веселее всяких там мухоморов и кактусов. Прежних синтетических наркотиков, типа ЛСД и спайса, у нас уже нет, да оно, может, и к лучшему. Праздники же наши – это упомянутый День Ядерной Троицы, День падения Чертополошинского метеорита и День рождения Глафиры Алексеевны, которой, как говорится, честь, слава и хвала ныне и присно и во веки веков. Аминь, ёпт!

В конце концов, человек ведь такая тварь, которая к любому кошмару сумеет приспособиться и посреди любого ужаса найдет себе комфорт и удовольствия.

Новые сказки

Ну и как тебе, милый дружочек, наши первые истории? Сон как рукой сняло, готов слушать дальше? А дальше тебя поджидает все самое волшебное, удивительное и необычное! Новые предания и легенды, презабавные каверзы и совсем нешуточные байки лучших сказителей современности. Но будь осторожен, дружочек, иные из этих историй плюются ядом и норовят сцапать да унести в мир иной, мир пугающий.

В мир запредельной Нави…

Дмитрий Тихонов. Странные вещи с вершины горы

Отец заболел вскоре после того, как сошел снег. Долго кашлял, надрывно и сухо, мучился головными болями, откладывал все больше дел на потом, а к концу апреля слег. Ночами метался в горячке, днем тонул в тонком, прозрачном полусне, то и дело вздрагивая, испуганно вздымая опухшие веки. Говорить ему было сложно – стоило начать, как накатывал кашель, раздирающий грудь и горло, – а потому Рита тоже молчала. Ухаживала, стирала, поила горячим бульоном, сидела у кровати, наблюдая, как за окном наливается солнечным светом молодая листва. Так прошла почти неделя. В последний день месяца, ближе к вечеру, отец разбудил задремавшую было дочь, ткнул заскорузлым пальцем в календарь на стене:

– Сегодня ведь, Ритк, да? Правильно?

– Да, пап. – Она зевнула и потянулась, недовольная резким пробуждением, недовольная неизбежным этим разговором, которого боялась с тех самых пор, как болезнь приобрела серьезный оборот. – Все правильно.

– Хреново. Утром не…

На выдохе из его груди хлынул грохочущим потоком кашель, и отец раздраженно застучал кулаком по одеялу. Кулак был бледен и костляв и принадлежал, казалось, совсем другому человеку, а вовсе не двужильному лесничему, которому что три десятка километров за день прошагать, что телегу дров нарубить – раз плюнуть.

– Не встать… – слабым голосом договорил больной, прокашлявшись. – Выходит, тебе на гору идти. Да, Ритк? Ну а кому еще?

– Ты что, пап? Я не справлюсь. Страшно.

– И чего страшно? Нечего там бояться совершенно. Завтра утром на горе безопасней, чем в райотделе милиции. Звери разбегутся. Лучший день в году: тихо, спокойно, гуляй – не хочу.

– Так ведь меня не звери пугают.

– А больше не будет никого, обещаю. Все улетят, как только солнце встанет. Я ни ра…

Отец снова зашелся в приступе кашля, и Рита прикрыла глаза, чтобы не смотреть, как наливается кровью его измученное лицо.

– За все время я ни разу не встречал их, – прошептал он наконец, словно боясь потревожить хищника, притаившегося в груди. – Сколько лет уже туда хожу, прибираю, и хоть бы кто показался! Нет, это просто лес, и на самой вершине горы следы… праздника. Конечно, там разное можно найти, и нужно держать ухо востро, чтобы не порезаться или не обжечься ненароком. Но ты будешь одна, даже не сомневайся.

Договорив, отец откинулся на подушку, едва дыша. На висках его блестел пот. Стиснутые губы дрожали. Взгляд блуждал по потолку, будто там, среди трещин в побелке, скрывались криво нацарапанные подсказки, способные помочь договориться с дочерью, убедить ее в необходимости делать все, как должно.

Только Рита и сама знала, что завтра утром отправится на гору. От этого зависело их с отцом благосостояние, их стол, их уверенность в будущем. Его обеспеченная старость. Ее высшее образование. Каждый год в первый день мая отец поднимался на вершину горы и возвращался с рюкзаком, полным странных вещей, которые затем продавал незнакомцам на пестро раскрашенных машинах, незнакомцам в нелепых ярких шляпах, незнакомцам, говорящим на чужих, не по-человечески звучащих языках. Покупатели щедро платили за странные

вещи, принесенные с вершины горы, – гораздо, гораздо больше, чем готово было выложить Ветлыновское лесничество за тяжелый, но честный каждодневный труд. В течение следующей недели к их домику станут подъезжать одна за другой разноцветные иномарки, и если Рите с отцом нечего будет предложить… Она не знала, что случится, но надеяться на лучшее не стоило. Покупатели не производили впечатления людей, умеющих прощать ошибки или давать поблажки, – честно говоря, покупатели вообще не производили впечатления людей.

Об этом она тоже обязательно спросит отца. Кем были обладатели хищных ухмылок, носящие смешные шляпы, откуда они взялись, как вышли на лесничего, как связаны с теми, кто собирается на горе раз в год, в ночь между весной и летом, – немало накопилось вопросов, с которыми больше нельзя тянуть. Но это потом, в ближайшем, но все-таки будущем. Сперва ей предстояло восхождение.

Перед тем как отправиться в постель, Рита долго рассматривала гору из кухонного окна. Отсюда та не казалась ни особенно высокой, ни опасной. Ничего таинственного не угадывалось ни в оплывшем силуэте, ни в покатых уставших склонах, зябко кутавшихся в кучерявое покрывало леса. Но над горой собирались тучи, а за горой опускалось в лес солнце, и последние багровые отсветы ложились на бугристое низкое небо, превращая его в поверхность чуждого мира, нависшего над нашим и готового соприкоснуться с ним, заразить и гору, и лес, и все вокруг неведомой скверной.

Ночью Рита не спала. Лежа в кровати, которая вот-вот должна была стать ей мала, она слушала, как барабанят по крыше капли и как гремит над вершиной гром. Так всегда происходило в эту ночь, что бы там ни обещали в прогнозе погоды: наваливалась буря, прижимала к земле лес и дом, била ливнем, слепила молниями, наполняла холодом сны. Раньше, когда была жива мама, она приходила к Рите, гладила по волосам, успокаивая и утешая – и дочь, и саму себя, наверное. Теперь прийти было некому, и Рита пыталась утешиться воспоминаниями, но получалось плохо.

К утру буря утихла и дождь кончился. Как всегда.

* * *

На вершину не вела ни одна тропа. Отец поднимался туда лишь раз в год. Не так уж и часто. Что, если он ошибался насчет тех, кто празднует приход лета на вершине? Что, если он не видел их там потому, что не знал, куда смотреть, или празднующие просто не хотели показываться? Что, если появление незнакомой девчонки, которой не исполнилось и четырнадцати лет, разозлит их? В самом деле – ты поручаешь работу взрослому мужику, а тот присылает вместо себя пигалицу с двумя длинными косичками и неправильным прикусом. Рита бы точно разозлилась.

По совету отца в зарослях орешника у подножия она выломала прямую крепкую палку себе по росту и, используя ее в качестве посоха, начала подъем – напрямик, не выбирая дороги. Лес на склонах был темен и неприветлив с любой стороны.

Еще он был тих. Не абсолютно – деревья поскрипывали под ветром, шумели молодой листвой, словно бахвалясь перед гостьей, – но непривычно: ни пения птиц, ни зуда насекомых, ни шорохов в траве вокруг, которые неизбежны, когда напуганная ящерица или лягушка бросается прочь, чтобы не попасть тебе под ноги. Рита будто шла сквозь нарисованный лес. О, это был настоящий шедевр, но все равно лишь иллюзия, изображение жизни. И сама Рита здесь казалась себе нарисованной девочкой. Крохотной фигуркой среди высоченных стволов, обозначенной несколькими движениями кисти. С первого взгляда и не разобрать, кто это, а будешь всматриваться – распадется на отдельные мазки, окончательно потеряет всякое сходство с человеком.

Нарисованная девочка поднималась по нарисованному склону. Иллюстрация к сказке, старой как мир. Она часто зевала и терла глаза, не отдохнувшие за бессонную ночь. Тряпичные кеды быстро промокли во влажной траве. Лямки отцовского рюкзака то и дело съезжали с узеньких плеч. Рюкзак пока был наполнен лишь смутной тревогой и целым ворохом воображаемых несчастий, столь основательно перемешанных, что никто не сумел бы отличить одно от другого, – но и такого веса вполне хватало, чтобы заныла спина.

– Все будет хорошо, – повторяла Рита вслух слова отца, сказанные на прощание. – Ты только не разглядывай подолгу ничего, в руках особо не верти. Схватила – и суй сразу в рюкзак. Так вернее.

Фраза звучала не слишком обнадеживающе, но хотя бы звучала. Позволяла заглушить холодную тишину вокруг. И потому она произносила ее вновь и вновь, по-разному интонируя, пытаясь убедиться, что именно так и поступит, увидев нечто необычное там, наверху. Не станет изучать. Уберет в рюкзак не глядя.

– Все будет хорошо? Ты только не разглядывай подолгу. Ничего! В руках особо. Не верти…

Еще Рита то и дело вынимала из заднего кармана джинсов тетрадный листок со списком нужных предметов, кое-как набросанным рукой отца. Буквы выглядели еще более мятыми и влажными, чем бумага, на которой они были начертаны. Даже Рита, давно и хорошо знавшая этот почерк, с трудом разбирала написанное:

1 муз. инструмент
Посуда – 2 или 3
Игрушка – 2 или 3
1 книга или 1 картина
Одежда – 1 или 2 вещи
1 чучело или 1 статуэтка
1 непонятная вещь

– Больше ничего не надо, – сказал отец, передавая ей листок. – Как только соберешь, возвращайся. Этого хватит.

Затем он закашлялся, покраснел и махнул рукой, давая понять, что Рите пора выходить. Ему явно стало хуже. Так она и не успела спросить про последний пункт в списке. Одна непонятная вещь. Насколько непонятная? Значит ли это, что, не разглядывая и не вертя в руках, назначение вещи невозможно определить? Если так, то как не спутать ее с редким музыкальным инструментом или абстрактной статуэткой? Или это должно быть что-то настолько невообразимое, что с первого взгляда осознаешь – вот оно?

– Нормальные отцы посылают дочерей со списком в магазин, – сообщила Рита покосившейся липе, в ветвях которой чернело воронье гнездо. – Но у нас все по-другому, потому что мы живем на природе.

Липа не ответила. Рита хотела пожаловаться еще, но в последний момент осеклась – почудилось движение впереди, среди рыжего мертвого сосняка, перекрывающего путь к вершине. Будто кто-то переметнулся от одного ствола к другому. Или пролетел.

Несколько мгновений девочка не шевелилась, пристально вглядываясь в тени перед собой, готовая в любую секунду развернуться и со всех ног помчаться вниз. Но тени замерли и больше никаких фокусов не вытворяли.

– Птица, – сказала Рита липе, чьи ветви еще нависали над ней. – Из твоего гнезда, должно быть.

Липа вновь промолчала, а Рита торопливо миновала подозрительное место и углубилась в сухостой. Трава под ногами сменилась настилом из тусклой, ржавой хвои, и сам воздух словно

был полон ржавчины и мелких колючек. Казалось, он даже похрустывает при вдохе. Меж голых ветвей, торчащих во все стороны растопыренными пальцами, висели клочья серой паутины. Склон стал заметно круче. Очень скоро Рита выбилась из сил. Однако отдыхать здесь, на кладбище сосен, ей не хотелось, тем более когда до вершины оставалось всего ничего. Сквозь переплетения костлявых крон виднелось чистое небо. Всем телом опираясь на посох – спасибо, папа, что надоумил! – и тяжко, влажно дыша, Рита поднималась выше и выше, обходила корни и корявые пни, перебиралась через поваленные стволы. Горло саднило. Глаза слезились. Спина стонала от боли.

А потом воздух стал чище, и солнечный свет, свободный от ветвей, ударил в лицо. Впереди открылась круглая поляна без единого дерева. Восхождение закончилось, но обрадоваться Рита не успела. Потому что увидела стул.

* * *

Непомерно большой, грубо сколоченный из бревен и широких досок, посеревших от времени, стул был вкопан в землю в нескольких шагах впереди. Вкопан основательно, хотя и давно. Вкопан таким образом, что, сиди на нем кто-нибудь, Рита, выбравшись из зарослей, оказалась бы прямо у сидящего перед глазами.

С пляшущим от усталости и страха сердцем девочка подошла ближе. На спинке стула были ножом вырезаны символы, каких ей прежде не встречалось: что-то вроде перечеркнутого крест-накрест треугольника и полумесяца, концы рогов которого соединяла волнистая линия. На сиденье, прямо под символами, стояла кружка. Пузатая, высокая, с изящно выгнутой ручкой и остроконечной крышкой. Такие иногда показывали в кино.

Кружка – это ведь посуда, верно? Медленно протянув руку, Рита коснулась пальцами холодного глиняного бока. Ничего не произошло. Только стало вдруг понятно, насколько на самом деле огромен стул: сиденье находилось на уровне ее груди, а значит, предназначался он для великана в три раза выше отца. Кружка же была вполне обычного размера.

Положив посох, Рита взяла ее, взвесила в руке. Похоже, пустая. По выпуклым бокам расползался вычурный пестро раскрашенный орнамент. Понять, что именно он изображает, не получалось. То ли башни разных размеров и форм, сплетающиеся друг с другом, то ли стебли, тянущиеся к висящей в черном небе луне, то ли щупальца, обвивающие хрупкую человеческую фигурку… Рита поймала себя на том, что напряженно всматривается в орнамент, позабыв об окружающем мире и, что куда хуже, позабыв об отцовском наказе.

– Не разглядывай подолгу ничего, – произнесла она вслух, и собственный голос показался ей совершенно незнакомым. – Ничего в руках особо не верти.

Рита сбросила со спины рюкзак и спрятала кружку внутрь, поборов внезапное желание заглянуть под остроконечную металлическую крышку. Начало положено. Жаль, она не догадалась прихватить с собой карандаш, чтобы отмечать найденные предметы в списке. В следующий заход, через год, запасется всем необходимым.

– Посуда – одна штука, – сказала Рита, и на сей раз голос прозвучал как должно. – Не так уж и сложно.

На вершине становилось жарко. Пока девочка взбиралась по склону, солнце тоже не теряло времени зря и теперь висело, казалось, прямо над ней, раскаленное и злое. По крайней мере, оно не оставило ни единого шанса теням и сырости. Невысокая трава, покрывавшая макушку горы, уже успела полностью просохнуть.

Рита огляделась. Шагах в двадцати от нее стоял второй стул, столь же большой, но повернутый в другую сторону и слегка скособоченный – одна из трухлявых ножек подломилась. Ни на нем, ни рядом не виднелось ничего интересного. С другой стороны, на примерно таком же расстоянии, тянулась вдоль земли приземистая широкая лавка, и вот на ней было разложено

сразу несколько вещей, явно стоящих внимания. Рита приблизилась, стараясь смотреть куда угодно, кроме лавки. Но нащупывать предметы вслепую все-таки не решилась – не хватало еще распороть ладонь ржавым гвоздем или занозить палец.

Первым она взяла бубен. Нежно и протяжно звякнули бубенчики на его краях. Деревянный обод покрывала сложная резьба, и различить что-либо в ее хитросплетениях не удалось бы при всем желании, а вот на кожаной мембране красовалась картинка, мгновенно врезавшаяся в сознание: огромная звериная пасть пожирала кричащего человека. Изображение было примитивным, нарочито упрощенным – вроде средневековых миниатюр, которых полным-полно в учебнике по истории за следующий год, – но выполненным опытной, взрослой рукой. Яркие краски, четкие линии, острые клыки, немой вопль, навсегда застывший на искаженном от ужаса лице, – ничто здесь не нуждалось в долгом изучении. Хватило пары секунд, чтобы Рита впитала все до последней детали.

– Музыкальный инструмент… – пробормотала она, зажмурившись. – Одна штука.

И убрала бубен в рюкзак.

Затем пришел черед перчатки. Это была дамская вещь, кружевная и невесомая. Ткань оказалась мягкой, словно пух. Рите нестерпимо захотелось примерить, увидеть, как выглядит ее рука в этих черных кружевах, узор которых непрерывно менялся в зависимости от того, под каким углом смотреть: там можно было отыскать цветы и листья, крылья, лианы, змей и драконов, обнаженных мужчин и женщин, сливающихся друг с другом, перетекающих друг в друга. Рита уже начала надевать перчатку, как вдруг где-то неподалеку, то ли прямо у нее за спиной, то ли чуть в стороне, раздался протяжный шорох.

Девочка подскочила и стремительно обернулась. Мертвый сосновый лес, окружавший вершину горы ржавой колючей проволокой, застыл в абсолютной недвижности. Он словно сам не понимал, откуда донесся звук. Или притворялся, что не понимает.

Шорох не повторялся. Скомкав перчатку, Рита сунула ее в рюкзак и тут же отправила следом последний предмет с лавки: бутылку из темного непрозрачного стекла с этикеткой, изображавшей рыбу со смеющимся человеческим лицом. Затем она решительно направилась к центру поляны, подальше от рыжих сосен с их шелестящими секретами, – туда, где возвышался внушительных размеров стол, на котором наверняка можно было отыскать что-нибудь из списка.

По дороге Рита замечала тут и там следы минувшего празднества: глиняные черепки и обглоданные кости в траве, черные пятна кострищ, торчащие из земли палки с привязанными к ним обрывками цветных лент, разбросанные холщовые мешки и мятые бумажные пакеты с яркими принтами. Кто бы ни провел здесь минувшую ночь, мусора после себя они оставили немало. Рита едва не пнула попавшуюся на пути резную деревянную фигурку, приняв ту за очередной обломок вчерашнего торжества, но в последний момент все же успела остановить занесенную ногу. Фигурка была поднята и очищена от налипшей земли, после чего отправилась в рюкзак. Сойдет за «чучело или статуэтку». Кого она изображала, понять не удалось: что-то бесформенное, не совсем осмысленное – то ли старинный корабль, то ли птица, то ли человек без головы. Пусть покупатели сами разбираются.

Стол был широк и высок, под стать стульям, вкопанным на окраине поляны, и у Риты без всяких проблем получилось бы пройти под ним в полный рост. Чтобы оказаться наверху, пришлось сначала вскарабкаться на скамейку, стоявшую с противоположной стороны, и уже с нее перебраться на столешницу. Все равно что на крышу небольшого гаража или сарая. И на этой крыше девочку ждало настоящее изобилие.

Кроме нескольких тарелок с объедками, каждая из которых была самого обычного размера, тут стояли кружки и кувшины, картонные коробки и фанерные ящики. Повсюду лежали вещи – столько, что хватило бы на полтора десятка отцовских списков! На ветхих, трухлявых досках столешницы Рита чувствовала бы себя увереннее, передвигаясь на четвереньках, но

так было куда сложнее пробираться среди завалов и уж точно невозможно окинуть взглядом сразу все интересные варианты. Пришлось выпрямиться. Доски скрипели и прогибались, но держали.

Первым делом она схватила покалеченную, облезлую куклу – то ли пса, то ли медведя, плотно набитого чем-то шуршащим и пахнущего свежим сеном. Скрюченные лапы не двигались. Левый глаз бедолаги, вырезанный из пожелтевшей кости, слепо пялился вдаль. Вместо правого торчало лишь несколько оборванных нитей.

– Игрушка, значит, – сказала Рита. – Сгодишься.

Едва застегнув пряжку рюкзака, она заметила книгу. Старая, в твердом тканевом переплете с выцветшим рисунком и потертыми углами. У них дома в большой комнате на стеллаже стояли похожие томики – бледные, чуть перекошенные. Обломки давно прошедшей и забытой жизни, то ли дедушкиной, то ли прабабушкиной, то ли предыдущего лесника. Отец никогда их не читал.

Не справившись с искушением, Рита осторожно приоткрыла книгу. Сразу стало ясно, что это сборник стихов: текст был напечатан столбиками в серединах страниц, оставляя большую их часть пустыми. Буквы казались знакомыми, да и многие слова тоже, но понять написанное Рита все равно не могла. Строчки расплывались, наползали одна на другую, менялись местами. Слова исчезали, но появлялись вновь, стоило сместить взгляд. Не желая сдаваться, она попробовала прочесть одно стихотворение вслух. Получалась какая-то ерунда:

Лес иглы стропилами стоп
Тревога по следу
Змеем
Пахнет чужак пахнет чужак

Девочка не сомневалась, что если прочитает тот же самый отрывок еще раз, то услышит совсем другие слова. Захлопнув книгу, Рита пожала плечами: наверное, у незнакомцев в смешных шляпах подобные стихи сейчас в моде. Ну и черт с ними, не ее дело. Достав из кармана список, она постучала пальцем по строчке «1 книга или 1 картина», довольно хмыкнула и принялась открывать рюкзак. В этот самый момент позади, на довольно приличном расстоянии, раздался шорох, гораздо громче, чем в прошлый раз. Рита, уверенная, что опять не увидит ничего подозрительного, нехотя обернулась – и тут же, чуть не захлебнувшись собственным вдохом, метнулась на дальний край стола, по пути больно ударившись коленкой и с грохотом обрушив наземь несколько ящиков. Удивительно, но ей удалось не закричать.

Оно приближалось со стороны рыжей опушки, двигаясь странно, словно удерживаемое над землей неведомой силой. Так движется ныряльщик вдоль морского дна, цепляясь за кораллы и водоросли. Неспешно, лениво оно плыло по воздуху, едва касаясь травы стальными когтями – чтобы не подниматься выше и не сбиться с пути.

Застыв среди коробок и опрокинутой посуды, Рита не мигая наблюдала за появившимся на поляне существом. В чем-то оно походило на человека: конечности – именно руки и ноги, а не лапы, кожа – бледная и безволосая. На одной из лопаток даже виднелась крупная татуировка, детали которой с такого расстояния различить не удавалось. Но в остальном… Все тело было бугристым, словно измятым, и изгибалось мягко и плавно, подобно телу змеи или длинной рыбы. Пальцы рук заканчивались заостренными клинками, сияющими на солнце. А самое главное – у существа отсутствовала голова. Полностью. Под кожей между левым и правым плечом бугрилось несколько небольших выпуклостей, ничем не отличавшихся от таких же на спине и боках.

Неестественность, неправильность этого создания завораживали. Рита не могла отвести взгляда. Вцепившись в лямки рюкзака, она лихорадочно пыталась сообразить, как поступать

дальше. Отец учил, что при встрече с медведем нельзя убегать и показывать страх. Но ведь по воздуху над поляной полз не медведь. К чему были те уроки, если за всю свою жизнь на краю огромного леса она так ни разу и не столкнулась с по-настоящему опасным зверем, но встретила вот это? Причем там, где, по словам отца, ей ровным счетом ничего не угрожало?!

Возмущение разбавило страх, помогло справиться с оцепенением. Девочка осторожно сместилась к самому краю стола и начала спускать ноги, надеясь незаметно сползти на скамейку, а уже оттуда на землю.

Ни одна доска не скрипнула под ней, ни одна тарелка не звякнула, но безголовый, паривший вокруг стула, с которого она взяла кружку, на сей раз мгновенно отреагировал на далекое движение. Оттолкнувшись от стула, он простер руки вперед, вытянулся в тугую хищную линию и, подобно атакующей акуле, поплыл к Рите – столь стремительно, что та едва успела втянуть ноги на столешницу, прежде чем стальные когти впились в лавку всего в полуметре от нее.

Девочка вновь замерла, стиснув зубы и стараясь даже не дышать, пока чудовище копошилось внизу, ощупывало траву и ножки стола. Совсем не дышать, однако, не получалось, и, бесшумно втягивая носом воздух, она почувствовала запах. Свежий насыщенный запах озона. Это ее не удивило. Тварь пахла прошедшей грозой.

Проведя под столом несколько минут, безголовый вылетел из-под него. Рита сразу зажмурилась, вжалась в доски и рюкзак, надеясь затеряться среди ящиков, коробок и прочего хлама. Заслонив солнце, тень нависла прямо над ней, подобно тяжелой туче. Запах озона стал сильнее. Совсем рядом стальное острие проскребло по эмалированной тарелке, будто в задумчивости. Чудовище прислушивалось? Или могло видеть ее? Или просто тянуло время, наслаждаясь страхом, скомкавшим ее сердце?

Крик, безнадежный и душераздирающий, зародился в Ритиной груди, но она не осмеливалась выпустить его, и крик разрастался в оглушительной тишине, заполняя собой все тело, звенел в коленях, нестерпимо жег веки, гудел в висках тяжелым медным колоколом. А когда она уже готова была открыть рот и завопить изо всех сил, прощаясь с жизнью и готовясь к неизбежной боли, лицо ее омыл солнечный свет. Тень исчезла.

Рита открыла глаза – все вокруг казалось зеленым – проморгалась и медленно приподнялась на локтях. Безголового она заметила не сразу.

Теперь он висел в воздухе вертикально, шагах в двадцати от стола. Пальцы полусогнутых ног чуть-чуть не доставали до травы. Так стало видно, что у него нет ни сосков, ни пупка, ни гениталий, но на груди и животе красовалась еще одна огромная синяя татуировка: широко распахнутые глаза, под ними – две раздувшиеся ноздри, а еще ниже – рот, растянутый в зубастой усмешке. Изображены они были схематично и не слишком аккуратно, но их хватило, чтобы Риту окатила новая волна ужаса: казалось, чудовище смотрит именно на нее и улыбается именно ей.

Руки безголового непрерывно двигались. Он складывал перед грудью знак за знаком из ладоней и пальцев, подобно тому, как это делают глухонемые. Два больших пальца вместе, остальные расставлены веером в стороны. Большой палец левой руки ложится на указательный палец правой, остальные согнуты. Указательный и мизинец левой руки смотрят вверх, большой отставлен, правая ладонь выставлена вперед. Символы сменялись непрерывно. Задевая друг друга, еле слышно позвякивали стальные когти.

Рита не разбиралась в жестовых языках, а потому не могла понять сказанного. Впрочем, вряд ли безголовый обращался к ней. Слишком уж точны были жесты, слишком выверена последовательность. Он проговаривал вызубренное наизусть. Он – и Рита осознала это, когда стало уже слишком поздно, – читал заклинание.

В завершение этой беззвучной тирады безголовый оглушительно хлопнул в ладоши – так, что даже в ярком дневном свете было видно, как посыпались с когтей искры. И тотчас все на столе пришло в движение, заерзало на своих местах, оторвалось от нагретых солнцем досок и

потянулось вверх, к небу, не удерживаемое больше силой притяжения земли. Все, кроме Риты и того, что лежало в ее рюкзаке. Кувшины, ящики, тарелки и обглоданные кости, хрустальные бокалы, скрипки и звериные рога, резные светильники, молотки и связанные сложными узлами веревки – все проплывало мимо, поднимаясь выше и выше. Рита вскочила, но от неожиданности растерялась и на несколько мгновений даже забыла о грозящей опасности, наблюдая с открытым ртом, как улетают вещи, составлявшие ее укрытие.

Опомнилась она, когда до самого последнего из ящиков было уже не допрыгнуть. Великанский стол опустел, и Рита, стоящая в середине с рюкзаком в руках, осталась единственным угощением. Теперь-то глаза на груди безголового уж точно видели ее, и пасть на животе безголового скалилась в предвкушении ее боли.

Чудовище приближалось неторопливо, все в том же вертикальном положении, вытянув руки в стороны, словно стараясь не спугнуть жертву раньше времени. Кожа его в солнечном свете выглядела молочно-белой. Рита смотрела в наколотое на этой белизне уродливое лицо и, до крови закусив губу, собиралась с духом. Отец учил, что от медведя нельзя убегать. Побежишь – умрешь. Дашь понять, что с тобой шутки плохи, – есть шанс уцелеть. Ори, шуми, размахивай чем-нибудь. Но не стой просто так, Ритка, не стой столбом.

Она сунула руку в рюкзак и нащупала там самый увесистый из найденных предметов. Вытащила – это оказалась пивная кружка с крышкой, – завопила и с размаху ударила перед собой как палицей, метя точно между нарисованных глаз. Во время взмаха крышка откинулась, и из кружки широкой дугой хлынул поток белого песка. Стоило этой загадочной субстанции угодить на безголового, как тот отпрянул аж на добрую дюжину шагов и принялся извиваться в воздухе, словно гигантская раненая змея, стараясь стряхнуть с себя все до мельчайшей крупинки. Движения его выглядели еще более отвратительными оттого, что были совершенно беззвучны.

Рита в изумлении уставилась на кружку – та снова стала полна. Она принюхалась, макнула палец в белый порошок, попробовала на вкус. Соль. Самая обычная поваренная соль, только куда более мелкого помола, чем в магазинных пачках. Сразу вспомнилось, как отец иногда рассыпал такую вдоль порога и на подоконниках – давно, еще до смерти мамы. В последние годы он этого не делал. Выходит, все-таки знал о том, что обитает на горе?

Тем временем безголовый, отряхнувшись, начал огибать стол по широкой дуге, надеясь, видимо, напасть на Риту сзади. Девочка не собиралась позволить ему подобраться к себе. Опустившись на четвереньки, она принялась сыпать соль из кружки щедрой белой дорожкой по самому краю столешницы. Безголовый отшатнулся, помедлил немного, затем попытался зайти с другой стороны, но момент был уже упущен. Рита обвела столешницу по всему периметру широкой полосой соли и, замкнув ее, торжествующе грохнула по-прежнему полной кружкой по старым доскам, чудом их не проломив.

– А! Выкуси, чучело! – завопила она, грозя трясущимся кулаком. – Козел! Сраный! Залупа конская!

Нелепые эти слова заставили ее расхохотаться в голос, пронзительно, надрывно. Безголовый неподвижно висел в воздухе на порядочном расстоянии, слегка склонившись набок, отчего глаза на его груди смотрели пристальнее и хитрее, с издевательским прищуром. Рита выкрикнула еще несколько ругательств, слышанных когда-то от отца, но смех больше не шел. Ноги дрожали так, что стоять было невозможно.

Тогда она уселась посреди столешницы, уронила лицо в ладони и зарыдала.

* * *

К полудню жара стала невыносимой. Рита, давно понявшая, что загнала сама себя в ловушку, уже не имела сил ни бояться, ни отчаиваться, ни следить за безголовым, который

невозмутимо кружил вокруг стола, никуда не спеша и не выказывая ни малейших признаков усталости. Ей хотелось только пить. Мысли тонули в раскаленном мареве, и она никак не могла вспомнить, взяла ли утром в дорогу бутылку с водой. Ведь должна была… Но отчего-то бутылка не находилась в рюкзаке. Три попытки – и ни одной успешной. Каждый раз там оказывалась только бутыль из темного стекла, на этикетке которой скалилась в язвительной ухмылке рыба с человеческим лицом. Извлечь пробку было нечем, да и Рита все равно пока не решилась бы оттуда пить. Проклятая рыбина наверняка состояла в сговоре с безголовым и насмехалась над ней, над несчастной тринадцатилетней девчонкой, обреченной на гибель на вершине горы.

– Не понимаю… – пробормотала Рита, шмыгая носом и в очередной раз обшаривая все карманы рюкзака. – Нет воды. А ведь должна быть… Эй, куда это ты?

Ей почудилось, что безголовый опасно приблизился к столу у нее за спиной. Он пролетел мимо, но, намереваясь припугнуть чудовище, Рита потянулась к пивной кружке, все это время стоявшей рядом, и вздрогнула от удивления. Кружка оказалась холодной. Ее глазированные бока покрылись влагой, по зловещему узору медленно скользила вниз прозрачная капля. Рита, не смея поверить своему счастью, подняла крышку. Кружка была полна воды.

Первый несмелый глоток развеял все сомнения. Ни малейшего привкуса соли. Чистая холодная вода прямиком из лесного родника.

– Так вот почему за вас столько платят! – сказала Рита странным вещам в рюкзаке и стала пить, запрокинув голову.

С каждым глотком силы возвращались к ней… С каждым глотком прозрачная, пьяная легкость наполняла тело и душу. Рита испугалась даже, что вот-вот взлетит, повиснет над столом. Воздушный шар в форме дочери лесничего. Уникальный сувенир на память об этом удивительном месте. Но для такого все-таки надо было окончательно лишиться головы.

Сознание ее стремительно полнилось новыми образами. Когда, напившись, Рита опустила кружку, они хлынули сплошным искрящимся потоком. Чужие мечты и воспоминания. Понимания и предположения. Безголовый больше не пугал ее. О да, он был опасен, смертельно опасен – неуловимо быстрый, ловкий, неутомимый, стальные когти острее любого ножа, – но по ту сторону соли, лишенный голоса и слуха, оставался крайне ограниченным в общении с вещами. Мог повелеть что-то простое, приказать и прикрикнуть хлопком ладоней, но на задушевные разговоры был, естественно, не способен.

– Сгинь, уродец! – весело сказала ему Рита, и вся поляна, задремавшая на жаре, встрепенулась от этих слов. – Сгинь, пока не поздно!

Безголовый остановился, замер на мгновение, затем выпрямился и нарочито медленно подплыл к столу, завис в воздухе у самого края, вперясь жуткими своими глазами прямо в Ритино лицо. Он принимал вызов.

Рита встала, качнулась вперед-назад на затекших ногах. Мир плыл вокруг. Краски смешивались. На еще не высохший пейзаж кто-то плеснул водой. Чистой родниковой водой. Девочка шагнула к краю, навстречу чудовищу. Они застыли друг напротив друга, разделенные лишь полосой соли шириной в полпальца. В нос вновь ударил запах озона, напомнив о тревогах прошедшей ночи. Рита растянула рот в улыбке-оскале. Окажись безголовый человеком, был бы точно на голову выше нее. А так примерно одного роста. Ровня.

С трудом преодолев соблазн ткнуть пальцем в глаз на бледной груди – возможно, на что-то подобное чудовище и рассчитывало, – Рита покачала головой и отвернулась. Ее шатнуло. Стол, поляна, вся гора качались под ногами, но в этом не было ничего страшного. В такт качке плясали цветные круги в небе, а на краю зрения возникали мутные, едва различимые силуэты, огромные фигуры, окончательный облик которых никак не удавалось уловить – стоило чуть повернуть голову, как они тут же растворялись в полуденном мареве. Если на полотне мира Риту обозначили лишь несколькими быстрыми, не слишком аккуратными мазками, то этих

можно было считать карандашными набросками, забытыми и скрытыми под слоем краски. Лишь сейчас, когда вода из кружки размыла привычные цвета и реальность потекла, обнажая холст, стало возможно различить очертания.

Еще они переговаривались – вибрирующими мелодичными голосами. Девочка прислушалась, но так и не сумела понять ни слова. Однако она знала, что можно сделать. Порывшись в рюкзаке, Рита вытащила игрушку, то ли пса, то ли медведя, погладила его по мягкой вытертой спине, поцеловала в хрустящую полуслепую морду, спросила: «Что они говорят?», усадила на доски и отвернулась. Кому понравится, когда на тебя пялятся во время столь важного задания! То ли пес, то ли медведь молчал. Рита терпеливо ждала, краем глаза наблюдая за гигантским силуэтом на одном из стульев на дальней стороне поляны. Наконец за спиной раздался голос, усталый и надтреснутый, немного похожий на отцовский:

– Пастырь говорит, что нельзя отпускать девочку. Она идеально чувствует ценность. Она станет отличной приказчицей, лучшей за долгое время. Певица говорит, что, если держать ее дольше, девочка может умереть…

Рита чуть сдвинула голову, надеясь захватить в поле зрения еще один силуэт. Ничего не получалось. Исполинские создания, владыки вершины горы, не предназначались для того, чтобы на них смотреть.

– Пастырь говорит, что до вечера девочка не умрет, – продолжал то ли пес, то ли медведь. – Пусть остается до заката. Когда солнце сядет, здоровье старого приказчика подойдет к концу, и ее можно будет отпустить.

У Риты все похолодело внутри. «Старый приказчик» – это ведь об отце? Ну конечно, о ком же еще!

– Подкидыш говорит, что не стоит рисковать и держать девочку дольше – так можно потерять обоих приказчиков. Певица поддерживает. Придурок говорит, что девочка нашла бутылку здоровья. Если она действительно так хорошо чувствует ценность, то, вернувшись к старому приказчику, может напоить его и продлить жизнь. Тогда им придется терпеть старого приказчика и в следующем году. Пастырь поддерживает.

Рита, похолодев еще сильнее, открыла рюкзак. Вот она, бутыль из темного стекла с ухмыляющейся рыбой на этикетке. То, чего не хватает отцу, чтобы избавиться от свалившей его болезни. То, без чего он умрет, когда сядет солнце. Мысли, подхлестнутые страхом, засуетились подобно муравьям в разворошенном муравейнике. Если пойти сейчас, она точно успеет.

– Подкидыш говорит, что нужно убедить девочку подождать. Показать ей власть, – бубнил то ли пес, то ли медведь. – Объяснить силу. Падальщик говорит, что если девочка будет спускаться в темноте, то споткнется о корень, сломает шею и через пару дней порадует всех нас потрясающим ароматом. Провидица говорит…

– Тише! – оборвала игрушку Рита. – Не мешай думать!

Она положила замолчавшего то ли пса, то ли медведя в рюкзак и окинула взглядом свой небольшой урожай странных вещей. Бубен, перчатка, бутылка, игрушка, деревянная статуэтка. Была еще книга, но выскользнула из рук при появлении безголового, а потом исчезла в небе вместе с остальными предметами со стола. Рита вытащила деревянную статуэтку и, прищурившись, стала сравнивать ее со сторожевым чудовищем, парящим над травой неподалеку. Сходство было очень условным – и только если предположить, что статуэтка действительно изображает человека без головы, а не старинный корабль без мачты или спящую хищную птицу.

Впрочем, Рита уже догадалась, что ее летающий остропальцый враг – такое же порождение этой поляны, как и все остальное. Просто созданное и существующее по другим законам, по стандартам иного мира.

Непонятная вещь. Одна штука.

Отсюда следовало, что, даже если статуэтка не имеет к безголовому никакого отношения, это можно исправить. Рита выпрямилась во весь рост и, несколько раз шумно вдохнув, чтобы унять волнение, крикнула:

– Эй! Уродец! Смотри, что есть!

Убедившись, что глаза безголового смотрят прямо на нее, Рита вытянула вперед руку с зажатой в кулаке статуэткой и припечатала:

– Это ты!

Затем нагнулась над пивной кружкой, прошептала:

– Мне нужен огонь, – и откинула крышку. Изнутри пахнуло жаром. Рита затолкала статуэтку в кружку, закрыла ее, отсела. Несколько секунд спустя из-под крышки потянулась тонкая струйка черного дыма.

Безголовый, наблюдавший за этими манипуляциями с вытатуированным равнодушием, вдруг содрогнулся всем своим бугристым бескостным телом. Подобно пловцу, поднимающемуся с глубины, он рывком взлетел на высоту человеческого роста и напряженно замер, будто прислушиваясь. Затем взмахнул руками, рванулся назад, к лесу, но на полпути остановился, нырнул к земле и там забился, страшно, безысходно, тряся конечностями и сминая траву. Тело его выгнулось дугой, на бледной плоти проступили черные пятна, через мгновения разошедшиеся трещинами, из которых хлынули наружу языки пламени. Рита отвернулась.

– Сгинь, уродец!.. – прошептала она, закусив губу. – Предупреждала же.

Несколько минут, пока за спиной шумел огонь и содрогался в агонии безголовый, Рита потратила на сборы: аккуратно уложила все предметы, включая раскаленную кружку, застегнула и тщательно проверила каждый ремешок. Когда на поляне наступила тишина, девочка поднялась, надела рюкзак задом наперед, чтобы он висел не на спине, а на груди, и, бережно придерживая груз руками, спустилась со стола на лавку, а затем на землю.

От безголового осталось широкое пятно выгоревшей травы с обугленными ошметками плоти, среди которых по-прежнему сверкали стальные когти. Приближаться к ним Рита не решилась. Быстро сориентировавшись по стульям, она направилась к рыжему лесу – туда, откуда пришла. Ее по-прежнему качало, каждый шаг давался с трудом. На периферии зрения все еще маячили высоченные фигуры обитателей поляны: Пастыря и Певицы, или Подкидыша и Падальщика, или кого там еще… Они не могли остановить ее, для них Рита тоже была призраком, обитающим на другой стороне восприятия. Возможно, сейчас она проходила прямо сквозь них. Возможно, они понимали, что перспективная приказчица пропадает, и сыпали проклятиями. Возможно, оплакивали самую странную из своих вещей. Все это не имело значения.

Стоило Рите миновать стул, как что-то с грохотом врезалось в землю в трех шагах слева, взорвавшись тучей обломков. Взвизгнув, девочка присела, закрыв телом драгоценный рюкзак. Острая щепка распахала ей щеку под глазом, еще одна вонзилась в плечо. Испуганно глянув вверх, она поняла, что это не гнев тающих в небесной синеве гигантов. Это возвращались предметы, отправленные безголовым к солнцу. Ящики, вазы, садовые ножницы, статуэтки и картины, половники и книги сыпались на поляну смертоносным грохочущим дождем. Визжа от леденящего душу восторга и по-прежнему прикрывая собой рюкзак, Рита во всю прыть бросилась прочь и вздохнула с облегчением, только оказавшись среди сухих сосен, только вдохнув раскаленный воздух, колючий, как мертвая хвоя под ногами.

Здесь начался уклон, и пришлось сбавить шаг. Не хватало еще действительно споткнуться о корень, сломать шею и разбить бутылку со смеющейся рыбой на этикетке. Нет, Рита будет осторожна. Спешить некуда. Время есть.

Живая, едва уцелевшая девочка с окровавленным лицом спускалась сквозь нарисованный лес. Позади нее сгущалась тьма, сердито ворчал гром – над вершиной горы снова собиралась гроза. Девочка знала, что там ею остались недовольны: отказалась от власти, отказалась от силы, открывшийся талант направила на сожжение редкого и ценного экземпляра. Она знала,

что покупатели в нелепых пестрых шляпах, первые из которых явятся уже завтра, будут рвать и метать, и скрипеть звериными зубами, ведь из списка странных вещей с горы удалось принести меньше половины. Она знала, что умирающий лесник, он же старый приказчик, тоже вряд ли обрадуется такому исходу: не зря же он лгал, отправляя дочь на вершину, надеясь избавить ее от зрелища своей смерти и передать обязанности по наследству.

Грядущие беды и неприятные разговоры мало волновали уцелевшую девочку, идущую сквозь нарисованный лес. Она несла в рюкзаке целый год жизни для человека, который научил ее, что от медведя нельзя убегать. Никакой ему обеспеченной старости, никакого ей высшего образования. Никакой уверенности в будущем. Наверное, им уже ночью придется покинуть дом и скрыться, уехать куда глаза глядят. Наконец-то. Прочь от проклятой горы. На целый год.

Это немало, этого вполне достаточно.

Только бы успеть до заката.

Олег Кожин. Птица вещая

В этом нет ничего противозаконного, и все-таки каждый раз Влад воровато озирается. Где-то там, за стальными дверями, льнут к амбразурам глазков соседи по лестничной клетке. На камуфляже стоящего в дверях мужчины висит солоноватый аромат прогоревших березовых веток. На кирзовых сапогах – ошметки летнего разнотравья. За плечами – тощий рюкзак. А на руках – кровь времени. Влад сдвигается к стене, превращается в египетскую фреску, пропуская Охотника.

Снедаемые каждый своим нетерпением, они мнутся в прихожей. Владу не терпится получить товар, Охотнику не терпится убраться отсюда, но они делают сотни ненужных телодвижений, оттягивая момент передачи. Потому что Охотнику, как бы он это ни скрывал даже от самого себя, до смерти хочется шагнуть за пределы прихожей, хоть одним глазком взглянуть на кухню, спальню и гостиную, в которой никогда не было гостей. Хочется увидеть, настолько ли там все дико и причудливо, как рисует его воображение. А Влад…

Влад попросту боится. Он смотрит на траурный пакет из «Красного и Белого» и боится запускать руки в его раздутое нутро. Пакет напоминает ему дохлую крысу, даже после смерти источающую иррациональную угрозу.

Охотник смущенно кашляет. Его плавающий взгляд гуляет по однотонным обоям и плотно прикрытым дверям цвета венге. Он думает о супергероях из кино, счастливых обладателях рентгеновского зрения, и завидует им черной мальчишеской завистью. Влад кладет на этажерку конверт с деньгами и принимает пакет. Конверт пропадает во внутреннем кармане камуфляжной куртки. После первой сделки Охотник ни разу не пересчитывал.

Влад высыпает содержимое пакета на заранее подстеленные газеты. С мягким шелестом невесомые серые перья засыпают бумажный спам. Наметанный глаз без труда различает обман. Два пера, кажется, журавлиных, Влад возвращает гостю. Тот без тени смущения прячет их вслед за конвертом. Это их негласная игра. Влад уверен, что гость подбрасывает фальшивки специально.

Ссыпав перья обратно в пакет, Влад кивает Охотнику, и тот кивает в ответ. Влад знает, что любопытные соседи прильнули к его двери, желая пронюхать, прознать, уловить хоть мельчайший намек на происходящее. Однако, когда дверь открывается, лестничная клетка подозрительно пуста, и Влад снова ощущает, как вибрируют их острые носы, как настороженно топорщатся уши, там, в темных затхлых отнорках многоквартирного человейника.

Охотник проскальзывает в приоткрытую дверь и, вопреки неудовлетворенному любопытству, выдыхает с облегчением. Влад не видит этого, перед ним только широкая спина в красках летнего леса, но воздух дрожит от этого могучего выдоха. Трудно не заметить. Каждый раз Владу кажется, что эта встреча последняя, но с новым сезоном ему приходит короткая эсэмэска: «Как обычно?» И он отвечает еще короче: «Да».

Пакет в руках чуть тяжелее воздуха, но Влад обхватывает его двумя руками. В спальне аскетический минимализм и чистота, мебель из «Икеи», краски из «Леруа Мерлен»; Охотник, попади он сюда, остался бы разочарованным. Бесшумный робот-пылесос, получив долгожданную свободу, между ног Влада проскальзывает в коридор, подъедать редкие крохи высохшей грязи и лесные былинки. Влад садится на кровать, достает из тумбочки маникюрные ножницы и аккуратно, стежок за стежком, вспарывает подушку. Из нее несет несвежим дыханием.

Разорванный рот наволочки блюет слежавшимися серыми перьями.

* * *

Владику было шесть, но ругаться, как взрослые, он уже умел. Наслушался всякого. Немного от старшего брата Тёмки, но больше от маминого нового друга дяди Андрея Которого-Нельзя-Называть-Папой. Тёмка на четыре года старше и две головы выше Владика, непостижимый великан, всевидящий и всеведающий, однажды пробовал курить, прятал под матрасом журнал с голыми женщинами и матерился редко, но умело. Другое дело дядя Андрей, Которого-Нельзя-Называть-Папой. Этот, выпив водки, начинал строчить как пулемет, заворачивая не какие-то там трехэтажные, а, наверное, стоэтажные матюги.

Владик, наизусть помнящий «Бородино» и все песенки из «Фиксиков», без особого труда запоминал даже самые цветистые обороты, падающие из златозубого рта дяди Андрея. Ругаться, как взрослые, Владик умел, но… стеснялся. Тем более при Девочке.

– Но это же какая-то… фигня? – тщательно подбирая слово, спросил Владик.

– Ха… Городской мальчик!

Девочка фыркнула и закатила глаза так высоко, как, должно быть, умеют только маленькие девочки и святые со старых икон. Она была на пару лет старше Владика, и на самом деле у нее было имя. Точно было, она сама его сказала там, возле ржавой сельской водоколонки, напоминающей вросшего в землю робота. А он, как настоящий мальчишка, тут же его забыл.

Света, может? Или Маша, мультяшная подружка терпеливого Медведя? Девочка была вылитая Маша, маленькая, веснушчатая, с огромными кроличьими резцами, торчащими из-под верхней губы. Но нет, точно что-то на «А»… Алёнка? Владику хотелось, чтобы ее звали Алёнкой, как шоколадку.

Они сидели на сложенных квадратом бревнах, до блеска ошкуренных задами детей и подростков, что с незапамятных времен приходили на эту укромную поляну: посидеть у костра, запечь картошку, покурить тайком, а то и сорвать первый поцелуй. Вокруг притих августовский лес, вялый, чуть живой от затяжной жары. Лес лениво наблюдал за Владиком, отчего на предплечьях мальчика проступали мурашки.

– Когда моей тете было шестнадцать лет, – проникновенным страшилочным голосом сказала Девочка, – они с подружками тут гуляли. И одна подружка спросила. И тетя сказала, что насчитали они всего два. А через четыре года подружка на речку пошла, трусами за корягу зацепилась и утонула. Понял?

– Так не бывает! И вообще четыре – это не два.

– Вот дурачок! Как только два года прошло, смерть уже за тетиной подружкой ходила. Если бы захотела, то могла и на Новый год ее забрать, как только часы двенадцать раз пробили, или в любой другой день.

– Точно фигня.

– Ой, только не говори, что ты струсил!

Еле заметные белесые брови Девочки нахмурились подозрительно, но в глазах выкидывали коленца озорные чертенята. Легко, совсем как взрослая женщина, она ловила глупого мальчишку на его же словах, и Владику оставалось лишь краснеть и прятать взгляд в прибитом дождями, давно не ведавшем огня кострище.

– Боишься, что и тебе всего два года осталось, да? Или меньше, представляешь? Год! Ужас как страшно! Ну а я ничего не боюсь…

Конопатая мордочка приобрела мечтательное выражение. Девочка полуобернулась к лесу, запрокинула голову и с театральной ленцой спросила:

– Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?

Голова Владика втянулась в плечи. По счастью, Девочка, увлеченно слушающая едва различимый шелест листьев, ничего не заметила. А то не избежать бы новых насмешек. Так они сидели несколько бесконечно долгих протяжных ударов сердца. И вот когда ожидание неминуемой беды сделалось невыносимым, лес ответил непринужденно и почти ласково:

– Ку-ку!

Владик со свистом выдохнул, но сразу зажал рот ладонями – с такой яростью шикнула на него Девочка. Подсчитывая отмеренные годы, губы ее едва уловимо артикулировали: два, три, четыре… Владик, скрестив пальцы на руках и ногах, с затаенной надеждой вторил: пять, шесть… боясь, что вот сейчас, сию секунду оборвется это волшебство и высоко в небесах, отмерив жизненный путь Девочки, щелкнет невидимый клюв, похожий на ножницы тех страшных старух из книжки с древнегреческими мифами. А когда он все-таки щелкнул, Владик долго не мог поверить и считал дальше: семнадцать, восемнадцать… Он готов был считать хоть до ста, хоть до тысячи, хотя еще никогда не считал так много, но Девочка подвела итог честно:

– Шестнадцать!

– Как шестнадцать?! – спросил потрясенный Владик. – Так мало?

– Ну, ты точно дурачок! Это мне будет… двадцать… Двадцать четыре! Я совсем уже старая буду! Никогда не слышала, чтобы кому-то так много накуковали.

Вот тогда бы Владику насторожиться, почуять наконец розыгрыш и посмеяться над глупыми страхами. Но этот мир создан таким, что мужчины воспринимают его предельно серьезно. А маленькие мужчины – трижды предельно. Опьяненный магической эйфорией и несправедливым подсчетом, Владик выпалил:

– А у меня будет больше!

И прежде чем сообразил, что делает, спросил, обращаясь к удивленному лесу:

– Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?!

Произнесенные, слова застыли в воздухе, подобно бабочкам, влетевшим в тенета. Липкая паутинная реальность обволакивала их, пеленала, обездвиживала. И уже тревожно дрожали нити под необратимой поступью тихих ног. Владик застыл вместе с ними, горячо сожалея о своей несдержанности. «Глупый, глупый Владик! Кто тебя за язык тянул?!» – ругался в голове испуганный невидимка. Вновь незаметно скрестив пальцы, Владик бесшумно просил Вселенную, чтобы его вопрос остался без ответа. Однако у Вселенной были на его счет другие планы.

– Ку-ку!

– Ку-ку!

– Ку-ку!..

Эластичная паутина застывшего времени облепила Владика, как пищевая пленка. Его кожа перестала дышать. Слиплись легкие. В сухой пещере рта, точно рыба, проспавшая отлив, нервно вздрагивал шершавый язык. В немигающих зрачках проползали ленивые облака, немилосердно ныли напряженные мышцы шеи, удерживающей запрокинутую голову. Протяжный тоскливый зов влетал в его уши, откладываясь в мозгу грядущими годами, множеством лет, напророченных древней лесной вещуньей.

Всякий раз, когда голос замолкал – ненадолго, на едва заметные доли секунды, необходимые даже птицам, чтобы вдохнуть, – сердце Владика обрывалось в ледяную пустоту. И взмывало обратно, и билось о ребра, как бешеное, стоило отсчету возобновиться. Он давно обогнал Девочку и уверенно взял второй десяток. Потом третий. Четвертый. А кукушка все звала и звала его Смерть, но никак не могла докричаться.

– Так не бывает! – выпалила Девочка, когда лишенный магии мир затопила звенящая тишина.

Они словно поменялись местами: трусоватый скептик и снисходительный всезнайка.

– Ты же сама слышала.

– Слышала? Да мне никто не поверит! Это же… это… Восемьдесят четыре! Старше, чем мой дедушка! Умереть не встать!

Но умирать Владик не собирался. Он собирался жить долго, куда дольше, чем дедушка Девочки. Потому что слышал то, чего не слышала она. Каждый напророченный год скрывался не просто в крике вещей птицы, но в каждом оброненном ею слоге. Владик понял, почему подружка тетиной девочки прожила на два года дольше, а сам он проживет не восемьдесят четыре, а… рожая в уме трехзначное число, Владик на мгновение задумался, совсем как Девочка несколько минут… часов, дней или жизней назад. Не восемьдесят четыре, а сто шестьдесят восемь.

– Куда тебе столько? – Все еще перекатывая в уме неверное число, Девочка трясла рыжими косичками.

– Я с тобой поделюсь, – великодушно сказал шестилетний Владик.

И подумал: «Сто шестьдесят восемь! Целая вечность!»

* * *

За стеной буянил полтергейст. Так брат Тёмка, уже не такой и великан, а попросту вредный и заносчивый подросток, именовал пятничные загулы взрослых. Не родителей, не мамы с папой – взрослых. Тёмка с Владиком не знали, как еще назвать это подобие семьи. Допустим, мама, она всегда была мамой, хоть и старалась при каждом удобном случае сбагрить сыновей к бабушке. Но сожитель ее – восьмилетнему Владику чудились в этом слове сжимающиеся кольца змеиного тела – даже через два года остался дядей Андреем, Которого-Нельзя-Называть-Папой. А если нет папы и мамы, то какая уж там семья? Не-бла-го-по-луч-на-я. Так говорила учительница Владика, и ее водянистые старческие глаза наполнялись фальшивым сочувствием. Владик смотрел на нее и думал: «Я переживу тебя, твоих детей и твоих внуков». Ну и кто теперь не-бла-го-по-луч-ный?!

Полтергейст громыхал стульями, в щепы разбивая их о стены. С обиженным звоном разлетались на куски чашки и тарелки. Под незримой тяжестью буйного духа скрипели рассохшиеся половицы. Полтергейст ревел голосом дяди Андрея, выкрикивал гнусные слова, от которых в душе Владика смущение густо перемешивалось со злостью. Потом орал голосом мамы. Искаженный призрачной глоткой, он хрипел и плевался. И тоже говорил много гадостей. И вновь гремело, выло, дребезжало и грозило убить, поджечь дом, спалить суку вместе с сучатами. Владик отрешенно думал, что и в этот раз никто из соседей не постучал к ним в дверь, не поинтересовался, все ли у них в порядке. Должно быть, они сильно боялись полтергейста.

Если бы не Тёмка, карауливший дверь, Владик непременно вышел бы из комнаты. По «Рен-ТВ» говорили, что нечисть боится серебра и железа. Серебра у Владика не было, но под кроватью лежал обрезок арматуры размером с его предплечье. Дядька со стройки сказал, что арматура железная. Но Тёмка оставался непреклонен: когда бушевал полтергейст, он усаживал младшего брата рядом, и на «горячем стуле» они играли в третьих «Героев». Новые части их старенький комп не тянул. Владик всегда играл за подземников. Тёмка думал, это потому, что в Темнице черные драконы, самые сильные в игре. Но Владику просто нравились гарпии. В их широких когтистых лапах, грязных крыльях и нечеловечески отрешенных лицах он видел ту, что предсказала ему долгую жизнь. И это был секрет, о котором необязательно знать даже старшему брату.

Вечер, нацепив монокль луны, заглянул в окно, но быстро разочаровался, нахмурился тучами. Кампания и в самом деле вышла скучная, Тёмка быстро развился, вынес противников и теперь методично сжимал кольцо вокруг последнего замка Владика, поднимая свои флаги над шахтами и лесопилками. Владик в сражениях участвовал неохотно, лишь задумчиво слонялся

по карте, словно игра ему наскучила. Отчасти так оно и было, он попросту ждал, когда хоть на минуту останется в комнате один.

Щелкнул язычок дверного замка. Тёмка скорчил страдальческую мину, но от игры не оторвался. Владик тоже не стал оборачиваться. Тысячу раз он видел, как мама стоит там, прислонясь к косяку, одной рукой играя с прядью волос, другой запахивая короткий халат, из-под которого торчит край несвежей ночнушки. И вся мама такая, как эта ночнушка, – сероватая, потасканная. Предплечья в синяках; худые татуированные пальцы дяди Андрея скрывали недюжинную силу. Атласный подол халата в сигаретных ожогах. Кислый запах алкогольного пота. И это утомленное выражение одутловатого лица…

За последние годы в маме многое изменилось, но эту перемену Владик считал самой гадкой. Словно мама пыталась доказать им, как сильно она старается, но и сама с трудом верила в эту ложь. Владик по-прежнему думал, что мама очень красивая. Ее волосы оставались жгуче-черными, как у индейцев. Когда мама заплетала их в косу, то превращалась в Покахонтас, и было не так заметно, как скучают ее волосы по шампуням и бальзамам. В серых глазах мамы часто плавала алкогольная муть, но на солнце в них, как раньше, плескалась голубизна. Если бы не это мерзкое выражение лица и хриплый голос, больше подходящий старухе…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.